

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.107-142>

НЕСКОЛЬКО ГРУПП СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В. В ХЕРСОНЕСЕ

Лариса Алексеевна Голофаст

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
larisa_golofast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1743-5057>

Аннотация. В статье представлена небольшая коллекция стеклянных изделий, происходящих, за исключением нескольких фрагментов, из раскопок закрытого комплекса – слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе. В публикацию включены четыре группы сосудов, всегда привлекающих повышенный интерес исследователей: флаконы с прокатанным орнаментом, кубки с росписью золотом и цветными эмальями, кубки с налечами (*printed beakers*) и сосуды с каплями и нитями цветного стекла. Подробно рассматриваются вопросы о происхождении технологий изготовления сосудов каждой из представленных групп и о путях их распространения. Определяется время бытования рассматриваемых сосудов, предполагаемые центры их производства, очерчивается ареал. Приводятся находки таких сосудов в других центрах Северного Причерноморья. Количество найденных в Херсонесе сосудов рассматриваемых групп невелико, что свидетельствует, что они не были предметом торговли. В Херсонес их либо привозили путешественники и паломники, либо они попадали в город в качестве даров, в том числе дипломатических. Кроме того, это не позволяет считать Херсонес центром, через который такие сосуды ввозились в северные земли, в том числе в города Древней Руси. Нетоварный характер их поступления в Северное Причерноморье подтверждается и крайне незначительным количеством их находок в тех центрах Таврики, которые, как считается, снабжались через херсонесский рынок. Коллекция расширяет представление исследователей о распространении стеклянных сосудов рассматриваемых групп, а также пополняет количество их находок в закрытых узко датированных комплексах.

Ключевые слова: Херсонес, слой пожара второй половины XIII в., сосуды с прокатанным орнаментом, сосуды с росписью золотом и эмалью, сосуды с налечами, сосуды с каплями и нитями цветного стекла.

Благодарности: Автор глубоко признателен Станиславу Григорьевичу Рыжову, Ларисе Васильевне Седиковой и Адаму Рабиновичу за возможность изучить и опубликовать находки из их раскопок.

A FEW GROUPS OF GLASS VESSELS FROM THE SECOND HALF OF THE THIRTEENTH CENTURY FIRE LAYER IN CHERSONESE

Larissa A. Golofast

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This paper presents a small collection of glass vessels revealed, with the exception of a few fragments, in a closed deposit, the second half of the thirteenth century fire layer in Chersonese.

This publication includes four groups of vessels that always attract specific interest of the researchers: marvered scent bottles, enamel- and gold-painted vessels, pruned beakers, and vessels with drops and threads of coloured glass. The issues concerning the origin of manufacturing technologies of these vessels and the ways of their distribution have been considered in details. The research has determined the period of use of these vessels, supposed centres of their production, and distribution area. The finds of similar vessels in other Northern Black Sea centres have been cited. The insignificant amount of these vessels found in Chersonese testifies that they were not traded but rather brought to Chersonese by travellers and pilgrims or came there as gifts including diplomatic ones. Besides, this fact does not allow considering Chersonese an intermediate centre through which the vessels in question were imported to the northern countries, Rus'ian towns in particular. The non-commodity character of these vessels' arrival to the Northern Black Sea Area is confirmed by the small number of their finds in those Crimean centres that are thought to have been supplied through Chersonesan market. The collection expands the distribution area of the regarded vessels and increases the number of their finds in closed and narrow-dated assemblages.

Keywords: Chersonese, second half of the thirteenth century fire layer, marvered glass vessels, enamel- and gold-painted glass vessels, pruned beakers, glass vessels with drops and threads of coloured glass

Acknowledgments: The author is deeply grateful to Stanislav G. Ryzhov, Larissa V. Sedikova, and Adam Rabinowitz for the opportunity to study and publish the finds from their excavations

Большая часть представленных в статье сосудов найдена в слое пожара, после которого значительная часть Херсонеса была заброшена, и весь комплекс вещей, находившихся в использовании на момент разрушения, остался в неприкосновенности. Пожар был такой силы, что от огня плавилась даже массивные бронзовые ступы, стеклянные сосуды теряли форму, плавилась, а некоторые превращались в почти бесформенные куски стекла. Среди исследователей нет единого мнения по поводу точной даты и виновников катастрофы, которая настигла не только Херсон, но и ряд других городов Крымского полуострова (Эски-Кермен, Суюрень, Бакла, Тепе-Кермен): вторая половина XIII в. [35, с. 249]¹, начало второй половины XIII в. [4, с. 190], середина – третья четверть XIII в. [31, с. 102], начало третьей четверти XIII в. [30, с. 310], 1278 г. [26; 14, с. 224], 1299 г. [1, с. 249–250]. В последнее время проведенный А. И. Айбабиным анализ данных письменных источников склонил автора присоединиться к последней точке зрения и отнести разрушение Херсонеса и других крымских городов к 1299 г. [19, с. 328, 331]. Однако ясно, что для определения окончательной даты интересующего нас события необходимы дальнейшие исследования на самих памятниках и уточнение хронологии содержащихся в слое пожара групп материала. Для нас важно, что все предлагаемые даты не выходят за рамки второй половины XIII в.

I. Сосуды с прокатанным орнаментом (*marvered decoration*).

Техника прокатанного орнамента заключается в украшении сосуда полосами или нитями непрозрачного стекла, отличающегося по цвету от стекла самого сосуда: нити накладывали на заготовку, которую затем прокатывали на плоской

¹ При личном общении Ирина Борисовна Тесленко высказала мнение, что, исходя из современных знаний о керамике второй половины XIII – начала XIV в., массовые пожары можно датировать временем не позднее 1260–1270-х гг.

отполированной мраморной или металлической плите (*marver*, отсюда название техники), в результате чего накладные полосы уплощались и как бы впаивались в толщу стекла основы. В большинстве случаев заготовку вновь разогревали и «прочесывали» вверх-вниз для получения орнамента, получившего название «птичье перо». Реже делали диагональные прочесы, получая эффект перекрученной ленты или пояса примыкающих друг к другу ромбов (112, р. 193, 196–197, 199–200, nos. 945, 949, 253–254). Только после этого приступали к окончательной формовке сосуда – заготовку при постоянном разогревании раздували до нужных размеров, придавали необходимую форму и формовали детали. Некоторые сосуды делали путем выдувания в форму, в ходе которого нити «вдавливались» в толщу стекла основы при давлении на стенки формы [66, р. 151; 47, р. 910; 11, с. 470, рис. 2,19,20].

Сами сосуды, как правило, делали из темного стекла: темно-синего, марганцевого, коричневого, изумрудно-зеленого и т.д., а орнамент – из непрозрачного белого или, реже, бледно-зеленого, бледно-синего, желтого или красного стекла. Иногда встречаются экземпляры из бесцветного стекла, декорированные более темными (синими или бирюзовыми) нитями [50, р. 106, nos. 53, 56, 58]. Следует отметить, что в разные периоды доминировали разные цвета стекла как самих сосудов, так и украшавших их нитей.

Время бытования. Прокатанный орнамент принадлежит к числу древнейших способов украшения стеклянных изделий. Появился он в Месопотамии в XVI в. до н.э. или в Египте в эпоху Нового Царства (1450–1100 гг. до н.э.), был широко распространен в эллинистический и римский периоды и продолжал использоваться в эпоху средневековья, то угасая в какие-то периоды, то вновь обретая популярность. Континуитет в бытовании сосудов, украшенных прокатанным орнаментом, на протяжении всего средневековья прослежен, например, в Бет-Шане и Ком-Эль-Дека (Александрия), где они происходят из надежно датированных контекстов [66; 79, р. 79]². Однако своего расцвета техника достигает в айюбидское (1171–1250) и мамлюкское (1250–1516) время (главным образом, в XIII–XIV вв.): на территории Израиля, например, сосуды, украшенные подобным образом, находят почти во всех заселенных в мамлюкское время поселениях [63, р. 124].

Центры производства. Считается, что сосуды с прокатанным орнаментом были характерны для исламского мира и производились в XII–XV вв. в Сирии (Хама, Алеппо) [50, р. 144] и Египте (Фустат), где использовались соответственно марганцевая и марганцевая и синяя основы [46, р. 302; 47, р. 912; 97]. Из документов каирской Генизы известно, что на изготовлении «красного» (марганцевого) стекла специализировалась мастерская в Бейруте [74, р. 45]. В Палестине одним из центров³, выпускавших сосуды, выполненные в такой технике, был Иерусалим, где,

² При личном общении Ирина Борисовна Тесленко высказала мнение, что, исходя из современных знаний о керамике второй половины XIII – начала XIV в., массовые пожары можно датировать временем не позднее 1260–1270-х гг.

³ Предполагается, что на территории Израиля функционировало несколько центров производства таких сосудов [47, р. 912].

судя по находкам большого количества фрагментов и отходов их производства в нескольких районах старого города, одновременно функционировало несколько мастерских, которые выпускали сосуды, главным образом, из марганцевого стекла с орнаментом из белого непрозрачного [70, р. 109–110].

Формы. В разные периоды доминировали разные формы сосудов, выполненных в рассматриваемой технике [подробно см.: 66]. В XIII в. в технике прокатанного орнамента производили сосуды самых разных форм. В Палестине особенно популярны были чаши со сферическим ребристым туловом и слегка вогнутым дном, которые составляют большую часть комплекса стекла из раскопок Иудейского квартала в Старом городе Иерусалима [46] и раскопок в Цфате; несколько фрагментов было найдено в ходе раскопок небольшого участка в Иерихоне [11, р. 470, fig. 2,19,20; 12, с. 148–150, рис. 2,4–5; 3,3–7]. Причем использовали такие чаши не как столовую посуду, а в качестве светильников [47, р. 913]. Очень популярны были различных форм бутылки и флаконы, которые предназначались для хранения благовоний, использовавшихся во время религиозных церемоний, а также земли или воды со святых мест или масла из лампад, горевших в гробницах святых [47, р. 912, 916], т.е. служили эвлогиями, и в качестве таковых попадали в Европу вместе с паломниками, число которых неуклонно росло, особенно с приходом в Святую землю крестоносцев [70, р. 111; 45, р. 189]. Встречаются также кувшины, банки, разбрызгиватели, сосуды в форме птиц [48, р. 361, fig. 3; 112, р. 218–219, nos. 992–993], косметические флаконы (kohl) с узкой конической нижней частью [12, рис. 3,5], использовавшиеся для хранения сурьмы [107, р. 103, fig. 2, nn, pp; 83, pl. 19,552; 47, р. 916, fig. 5,15], кубки с цилиндрическим туловом [12, рис. 3,6] и даже шахматные фигуры, большое количество которых хранится в различных музейных и частных собраниях [66, р. 154; 112, р. 193, 219–220, nos. 994–995]. В Браничево (Сербия) в слое пожара, надежно датируемом временем между серединой и концом XII в., найден целый набор из 16 сосудов разных форм (8 чаш, 3 кувшина, 2 цилиндрических флакона и 3 сосуда, которые предположительно можно определить как флаконы), выполненных в технике свободного выдувания из темно-марганцевого стекла и украшенных нитями белого непрозрачного [99, р. 155]. Большая коллекция сосудов разных форм (чаши, банки, вазы с яйцевидным туловом на полом кольцевом поддоне, пиксиды, колбообразные сосуды), сделанных из марганцевого стекла, происходит из раскопок в цитадели Дамаска и в Хаме [57, р. 433, pl. 2].

Ареал. Помимо уже перечисленных, находки сосудов с прокатанным орнаментом известны во многих центрах: Двин (Армения) [5, табл. 166,22]; Сарды [88, р. 102–103]; несколько фрагментов сосудов из марганцевого стекла, украшенных орнаментом «птичье перо», происходят из слоев XII–XIII вв. в Пергаме [93, S. 95, Abb. 57 SG]; в Коринфе несколько фрагментов выявлены в слоях XI–XII вв. [55, р. 88–89, 115–116, pl. 58,755–757]. Довольно часто их находят в городах Волжской Булгарии [8, с. 53]; в Болгаре известны находки более 30 фрагментов сосудов с подобным декором [9, с. 249]; большое количество фрагментов найдено на Царевском и Сели-

тренном городищах, причем не только синего или лилового, но и горчичного цвета [9, с. 249]. Фрагменты сосудов с подобным орнаментом встречаются и в древнерусских городах (Новогрудке [16, табл. XII,20], Волковыске и Полоцке [24, с. 247, рис. VII; 81, р. 452, fig. 5], Вщиже, Старой Ладогe [37, с. 122], Новгороде, где они происходят из слоя, относящегося к 20 ярусу Неревского раскопа, датирующемуся 1116 г. [21, с. 90; 37, с. 117, 120, рис. 4,3; 7,1; 28, с. 174, илл. 5,19], на Рюриковом городище [27, с. 60–62, табл. IV,11–12], в Белоозере, Владимире [9, с. 249]⁴.

Херсонес. В Херсонесе средневековые сосуды этой группы крайне малочисленны. Мне удалось выявить лишь два экземпляра, один из которых можно отнести к эпохе средневековья лишь предположительно. Это найденный в дерновом слое в квартале L Южного района города фрагмент стенки сосуда с цилиндрическим туловом, украшенным прокатанным орнаментом «птичье перо», выполненным нитями белого непрозрачного стекла (рис. 1,2)⁵. Стекло сосуда темно-синее с мелкими сферическими и эллиптическими вертикальными пузырьками и радужной побежалостью на поверхности.

В 1997 г. в квартале X-Б Северного района Херсонеса в слое пожара второй половины XIII в. найдены фрагменты слегка деформированного от пребывания в огне флакона с коротким, слегка расширяющимся кверху горлом, покатыми плечиками (к сожалению, из-за деформации плечики не удалось соединить с туловом), раздутым туловом и слегка вогнутым сферическим в сечении дном (рис. 1,1)⁶. На нижней поверхности дна – углубление овальной формы от понтии. Орнамент «птичье перо» заходит на дно сосуда⁷. На внутренней поверхности сосуда орнаменту соответствуют выпуклости. Стекло синее, с многочисленными светлыми круглыми и эллиптическими вертикальными пузырьками (на тулове) и радужной побежалостью на поверхности. К сожалению, из-за деформации фрагментов не удалось точно восстановить форму его тулова. Скорее всего, она была близка форме флаконов с цилиндрическим коротким горлом, цилиндрическим, иногда более или менее суживающимся книзу туловом и округлым или, в редких случаях, вогнутым дном. Диаметр дна херсонесского экземпляра указывает на его несколько большие размеры.

Такие флаконы украшали по-разному: росписью цветными эмалями и золотом, накладными нитями стекла [22, с. 25–34; 78, р. 412, fig. 8], прокатанным орнаментом; встречаются сосуды и без какой-либо декорировки. Например, в Которе (Черногория) в заполнении колодца, засыпанном в XII–XIII вв., выявлен 21 сосуд такой формы, в том числе 4 с росписью золотом и эмалью, 13 – с прокатанным орнаментом и 3 –

⁴ Обширный список находок сосудов, выполненных в технике прокатанного орнамента, как на территории Европы, где они встречаются довольно редко [78, р. 412], так и в различных ближневосточных центрах, откуда происходит их наибольшее количество, см.: 99, р. 163–164; карту находок таких сосудов в сиро-палестинском регионе см.: 47, fig. 2.

⁵ Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (далее – ГИАМЗХТ), Инв. № 80/37363.

⁶ ГИАМЗХТ, Инв. № 11/37304.

⁷ Точнее, орнамент начинается на дне сосуда, т.к. нить, как правило, начинали накладывать с дна.

без декорировки [22, с. 25–34; 78, р. 409]. В Херсонесе также найдены флаконы как с росписью золотом и эмалью, так и без орнамента [13]. Первые обычно связывают с Византией. Однако такие же флаконы производили и на исламских территориях, где, как полагают, их начали делать даже несколько раньше, чем в Византии⁸ [104, р. 114]. Исламские и византийские флаконы схожи не только формой, но и похожими изображениями птиц и животных с процарапанной детализировкой, поясами шевронов, а также обрамляющими горло треугольниками, как на одном из флаконов из раскопок Херсонеса [13, рис. 1,1]. Имеется и ряд отличий: на исламских сосудах схема росписи более упорядочена, сложна и насыщена, само исполнение рисунка отличается большей тщательностью, по сравнению с несколько небрежно выполненной росписью византийских сосудов; кроме того, если византийские сосуды расписывали цветными эмалями и золотом, то исламские – исключительно золотом [104, р. 114]. К исламской продукции, скорее всего, следует относить флаконы, украшенные комбинированным орнаментом, состоящим из прокатанного перьевидного орнамента и росписи золотом в виде спиралей и растительных мотивов, заполняющих пространство между фестонами. Мне известны находки таких флаконов в Коринфе и Которе [55, р. 88, pl. 58,755; 78, р. 412, fig. 7]. Происхождение флаконов, хранящихся в музейных собраниях, как правило, неизвестно [112, р. 193, 221–223, nos. 1000–1003].

Таким образом, схожесть формы византийских флаконов с росписью золотом и эмалью и флаконов с прокатанным орнаментом, которые считаются продукцией исламского мира [78, р. 412; 107, р. 103, fig. 2], не удивительна и, скорее, свидетельствует о востребованности таких сосудов как в христианском, так и исламском мире.

Предназначались они для перевозки и хранения благовоний. Поскольку они не могли стоять самостоятельно из-за слишком узкого дна, для них делали специальные подставки из дорогих металлов, соответствующие по стоимости дорогим сосудам с дорогими благовониями, которые они поддерживали [78, р. 409].

Ареал таких флаконов довольно широк. Помимо уже упоминавшихся центров, флаконы, украшенные орнаментом «птичье перо» из белого непрозрачного стекла, найдены в яме XIV в. в Болгаре (два тонкостенных сосуда из марганцевого стекла) [29, с. 211, рис. 94,1–2; 9, с. 249, рис. X,8,9]. Флаконы из марганцевого стекла известны по раскопкам слоев золотоордынского времени (XIII–XIV вв.) на Самосдельском городище [10, с. 69–70, рис. 2,9]. Возможно, аналогичным флаконам принадлежали фрагменты сосудов из синего стекла из раскопок новгородского Рюрикова городища [28, с. 174, рис. 5,19–22].

II. Восточное стекло с росписью золотом и цветными эмалями.

Техника. Техника росписи стекла цветными эмалями была известна еще в римское время, но затем была забыта и возродилась лишь в XI или XII в., но это было не возрождение римской традиции, а новое изобретение [103, р. 16]. Техника заклю-

⁸ Исламские флаконы с росписью обычно относят к середине XII в. Центр (школа), где производили расписанное золотом стекло, в том числе и флаконы рассматриваемой формы, располагался в Сирии или Джазире (Верхняя Месопотамия), наиболее вероятно в Ракке [104, р. 114–115].

чается в смешивании измельченного стекла с красителями и водой, накладывании на охлажденный готовый сосуд, который затем вновь медленно разогревали до тех пор, пока к нему можно было прикрепить понтию, с помощью которой сосуд помещали внутрь печи, чтобы эмали сплавилась с поверхностью стекла, температура плавления которого выше температуры плавления эмали. Т.к. красители разных цветов и золото плавилась при разных температурах, они теоретически должны были накладываться и обжигаться поочередно; но такое постоянное разогревание могло привести к разрушению сосуда, поэтому все или большинство эмалей накладывали одновременно [59, р. 263–264]. Обычно в производстве таких сосудов были задействованы два типа мастеров: те, которые изготавливали сам сосуд, и те, которые его украшали. Часто эти два процесса производились в разных мастерских. Известно, например, о стеклоделах из Тира, переехавших в окрестности Алеппо, откуда они посылали свои сосуды в город для росписи [59, р. 264].

Характеристика. Роспись сосудов рассматриваемой группы, выполненная золотом и эмальями разных цветов (красный, синий, желтый, зеленый, белый, черный), включала фризы, заполненные геометрическим и растительным орнаментом, изображения животных и птиц, арабские надписи. Украшали такой росписью сосуды самых разных форм: бутылки, флаконы, чаши, большие лампы для мечетей, но наибольшее распространение получили кубки с цилиндрическим туловом, слегка расширяющимся в верхней части, и сплошным кольцевым поддоном, сформованным из напаянного на дно сосуда жгута стекла. Предполагается, что такие кубки использовали не только как сосуды для питья, но и в качестве церемониальных сосудов и светильников, хотя второе – менее вероятно [73, р. 94].

Происхождение. Где и когда появилось исламское стекло, расписанное золотом и эмалью, точно неизвестно, и его происхождение остается предметом дискуссии. Предполагается, что техника росписи была изобретена в стеклоделательных мастерских Египта, в частности в Фустате, и зарождение этой индустрии в Сирии, которая доминировала в производстве расписного стекла в XIII в., связывают с предполагаемой миграцией ремесленников из Египта в Сирию в результате свержения в 1168 г. династии Фатимидов Салах ад-Дином (1171) [59, р. 263]. Согласно другой точке зрения, техника попала в мастерские Ракки, Алеппо, Хамы и Дамаска в XII в. из Византии [69, р. 96; 106, р. 5–7; 100, р. 130–131], где расписные сосуды начали делать, скорее всего, еще в X в. Самый ранний сосуд с росписью золотом и цветными эмальями, византийское производство которого общепризнано (чаша из марганцевого стекла из Сокровищницы собора Сан Марко в Венеции), датируется X или XI в. [59, р. 265]. Р. М. Джанполадян приводит интересное свидетельство армянского историка X в., который сообщает, что царь Смбат Баградуни преподнес арабскому полководцу Юсуфу «кубок и стакан – творение византийских мастеров из цветного стекла, расписанного золотом» [17, с. 45]. В XI в. техника росписи золотом и цветными эмальями, по-видимому, получает более широкое распространение, т.к. уже в первой половине XII в. технику описывает монах Теофил в главе «Стеклянные сосуды, которые гре-

ки украшали золотом и серебром» книги II трактата «О различных искусствах» (*De Diversis Artibus*) [34, с. 106–107]⁹. Однако новые свидетельства, количество которых постоянно увеличивается, способствовали появлению еще одной точки зрения, согласно которой исламская школа росписи далека от того, чтобы быть ответвлением византийской, и, скорее, сама оказывала на нее влияние [104, р. 115].

Картина, по-видимому, была более сложная. Отсутствие сходства между византийским и исламским расписным стеклом¹⁰ говорит о том, что, скорее всего, на территории Сирии произошло смешение разных традиций росписи: люстровой и цветными эмалями. Роспись люстром и роспись эмалью и золотом схожи: обе предполагают нанесение рисунка на готовый сосуд и закрепление росписи на поверхности путем вторичного обжига сосуда при низких температурах. Изобретение техники люстровой росписи, которое приписывают египетским, точнее коптским, мастерам, произошло, по-видимому, самое раннее в VII или VIII в. Самый ранний экземпляр с росписью люстром имеет надпись с именем правителя Египта, который правил один месяц в 773 г. Еще один сосуд с датой «779», написанной коптскими цифрами, хранится в Коптском музее в Каире. Приблизительно этим или немного более поздним временем датируются два небольших сосуда с росписью люстром из Сирии (один хранится в Музее стекла в Корнинге, второй, найденный в Ракке, хранится в Национальном музее в Дамаске). Надписи на этих сосудах говорят о том, что они были сделаны в Дамаске, а первый, возможно, в 786–787 гг. [103, р. 16; 50, р. 201]. Таким образом, как в Египте, так и в Сирии были все предпосылки для освоения местными мастерами, владевшими сложной техникой люстровой росписи, более простой техники росписи золотом и эмалью. Однако и в новой технике они продолжали делать сосуды привычных им форм и украшать их «своими» мотивами и сюжетами¹¹.

Роспись ранних сосудов, хорошо датируемых по помещенным на них надписям, позволила восстановить изменения в использовании золота и цветных эмалей на исламских сосудах: сначала для росписи использовали только золото, затем появляются детали, нанесенные цветными эмалями¹², и, наконец, эмали начинают превалировать над золотом, которое используется только в качестве вспомогательного цвета. Высказывается предположение, что стекло с росписью золотом было мостом от более ранней люстровой росписи Сирии и Египта, которая угасла при Фатимидах в XII в., к росписи цветными эмалями [104, р. 112]. Самый ранний исламский

⁹ Список находок византийских расписных сосудов в датированных комплексах см. [13].

¹⁰ Имеется в виду форма сосудов, орнаментальные мотивы, цвет стекла (исламские сосуды сделаны, по преимуществу, из бесцветного стекла, тогда как византийские мастера предпочитали роспись по цветному) [13].

¹¹ Основными мотивами люстровой росписи по стеклу были арабески, растения, геометрические фигуры, надписи, встречаются также изображения птиц, рыб и зверей [98, р. 174].

¹² Возможно, исламские мастера, которые хорошо знали о том, что происходит в византийском стеклоделии, начали комбинировать золото с цветными эмалями именно под влиянием византийских изделий [49, р. 172].

сосуд с росписью только золотом датируется второй четвертью XII в., а с росписью золотом и эмалью – последней четвертью XII – началом XIII в. [74, р. 39; 50, р. 204, 323; 43, р. 180].

Датировка. Существуют разные мнения относительно времени начала широкого распространения росписи золотом и цветными эмалями в исламском мире. С. Карбони считает, что эта техника была хорошо известна уже к концу XII в. [49, р. 174], другие относят начало ее широкой популярности к середине XIII в., хотя не исключают датировку отдельных образцов более ранним временем [73, р. 95; 9, с. 250]. Скорее всего, изначально из-за дороговизны самого производства расписанные золотом и эмалью сосуды были очень дороги и производились в небольших количествах для состоятельной клиентуры, часто на заказ по каким-то особым случаям; ими торговали на далекие расстояния и преподносили в качестве даров. Но в XIII в. такие сосуды стали вполне доступным товаром, и ими начали пользоваться в повседневной жизни, что, естественно, стимулировало мастерские увеличивать объем их производства [43, р. 188]. Т.е. становление техники росписи золотом и цветными эмалями по стеклу в исламском стеклоделии происходит в течение второй половины XII – первой половины XIII в., а наивысшего расцвета она достигает во второй половине XIII – XIV в. или чуть раньше. На Русь, судя по находкам расписных исламских сосудов в комплексах Северо-Восточной Руси, они начали поступать уже в 1230-х гг. [23 с. 154], скорее всего, ближе к концу десятилетия, о чем свидетельствует тот факт, что в домонгольском Биляре, разрушенном в 1236 г. и не восстановленном впоследствии, при всем обилии восточных изделий, поступавших в город в последней четверти XII – первой трети XIII в., не найдено ни одного сосуда с росписью [9, с. 250].

Считается, что нашествие Тимура (Тамерлана) около 1400 г. положило конец стеклоделию Сирии, на смену которой приходит Европа, и к концу XV в. Мамлюки вынуждены заказывать расписанные золотом и эмалью лампы для мечетей в Венеции [74, р. 41].

Центры производства. Традиционно центрами производства исламского расписного стекла считаются Ракка, Хама, Алеппо и Дамаск, хотя археологически следы стеклоделательного производства XIII в. в этих центрах не зафиксированы.

В Ракке найдено большое количество фрагментов сосудов с росписью золотом и эмалью, однако археологические свидетельства их производства в этом городе отсутствуют, и единственная на сегодняшний день открытая там стеклоделательная мастерская относится к Аббасидскому времени и датируется концом VIII – началом IX в. [72; 59, р. 266]. Тем не менее, Ракка считается наиболее вероятным центром, где в конце XII в. возникло производство стеклянных изделий с росписью эмалями, и наиболее ранние исламские расписные сосуды предположительно считаются произведенными в Ракке [50, р. 204].

В Алеппо стеклоделательные мастерские XIII в. также не зафиксированы, но о них писали европейские путешественники и мусульманские писатели, восхищав-

шиеся высоким качеством алеппского стекла, которое экспортировалось по всему мусульманскому миру и Средиземноморью. Так, арабский ученый и литератор Закария аль-Казвини (ум. 1283) свидетельствует о том, что алеппское стекло даже в его время было легендой, и одним из чудес Алеппо был рынок стекла, заполненный множеством изысканных сосудов, которые широко экспортировались, и что завороженные посетители рынка (*sug*) не хотели уходить оттуда [74, р. 41]. Известно о стеклоделах из Тира, переехавших в окрестности Алеппо [59, р. 264]. После разгрома Алеппо монголами в 1260 г. производство стекла в городе более не возрождалось.

Данные о производстве расписного стекла в Дамаске XIII в. содержатся в письменных источниках того времени, которые упоминают о дамасской посуде, «инкрустированной» золотом и серебром (возможно, имеется в виду роспись золотом и эмалями), которая экспортировалась в Египет, Ирак и Малую Азию [74, р. 41]. После разгрома города монголами в 1300 г. стеклоделие здесь возродилось и прекратилось только спустя сто лет после захвата в 1401 г. города Тимуром (Тамерланом), который, по сообщению посла Ruy Gonzalez de Clavijo (ум. 1412), насильно перевез дамасских стеклоделов, которые славились «как лучшие в мире», в Самарканд [84, р. 201]. Однако появление стеклоделия на новом месте не отражено ни в письменных, ни в археологических источниках [50, р. 207; 9, с. 252].

В Хаме, в цитадели которой было найдено около 350 фрагментов расписного стекла, датские археологи P. J. Riis и H. V. Poulsen каких-либо следов стеклоделательной мастерской не обнаружили, а находки не смогли датировать более точно, чем временем до или после 1259 г., когда Хама была захвачена Mongol il-Khan Hulegu [87, р. 65–116; цит. по: 59, р. 263].

Сотни дошедших до нас целых сосудов и тысячи их фрагментов говорят о том, что производство расписных сосудов имело беспрецедентно огромные масштабы, и количество производственных центров не ограничивается перечисленными выше [59, р. 262]. Например, предполагается производство расписного стекла в Самсате на верхнем Евфрате, где во время раскопок «дворца правителя» было открыто помещение с большим количеством фрагментов стеклянных сосудов, в том числе кубков с росписью золотом и эмалью [59, р. 263].

Многочисленные фрагменты, происходящие из раскопок различных центров Египта (Кусейр аль-Кадим, Ком-аль-Дикка (Александрия), Фустат и т.д.), а также высококачественные лампы в каирских мечетях, куда их жертвовали мамлюкские султаны и члены двора, послужили основанием для предположения о появлении в XIV в. крупного центра производства расписного стекла в Фустате [107; 83; 59, р. 263, 268; 79, р. 81–82, fig. 3,3,4]. Однако следует отметить, что пока следы такого производства в Египте не обнаружены, а ряд исследователей все же придерживаются мнения о производстве ламп для мечетей, которые до сих пор украшают каирские мечети, в Сирии [74, р. 41]. Тем не менее, в синодальном акте XIV в. о суде над константинопольским монахом упоминается «александрийский кубок», что говорит об импорте мамлюкского стекла в Константинополь [101, р. 143].

К. Ламм в фундаментальных работах, посвященных исламскому стеклу [напр.: 80], выделил несколько стилей в соответствии с центрами их производства: стиль «Ракка», характеризующийся орнаментом из нанесенных эмалью точек и выполненных золотом надписей; стиль «Алеппо» с богато расписанными большими фигурами; стиль «Дамаск» с редко расположенными мелкими фигурами. Однако эти не подтвержденные археологически построения подвергаются критике [87, р. 23; 100, р. 131; 90, р. 27; 50, р. 204; 110, р. 11; 102, р. 41]. Тем не менее, отсутствие альтернативы заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к классификации К. Ламма.

Ареал. Ареал находок расписных сосудов чрезвычайно широк и охватывает всю Европу: от Сицилии до Швеции и от Англии и Ирландии до России. Довольно большое количество целых сосудов, расписанных золотом и эмалью, и их фрагментов, находимых во время раскопок различных европейских центров, объясняется не только тем, что они попадали туда в качестве товара, но и тем, что путешественники и паломники, возвращаясь в Европу, привозили их домой; многие сосуды попали в Европу с крестоносцами [74, р. 41]. Перевозили их с особой осторожностью в соломе или тканом бамбуке, завернутыми в слои стеганого шелка [59, р. 262]. В Европе эти ценные сосуды входили в состав частных коллекций европейской аристократии или жертвовались в храмовые сокровищницы [59, р. 262]. Например, в Орвьето под алтарем храма Санта Маргерита был найден служивший реликварием кубок середины XIII в. с пеплом [86, р. 407–413]. Хранившиеся в сокровищницах исламские сосуды с росписью часто обрамляли оправой из ценных металлов и хранили в роскошных кожаных футлярах.

В Северном Причерноморье исламские расписные сосуды относятся к редким находкам. Два мелких фрагмента стенок с росписью (неширокий поясик из трех параллельных красных линий с белыми точками между первой и второй, ниже – элементы меандра) из Тмутаракани опубликованы Ю. Л. Шаповой, которая предположила их сирийское происхождение. Оба фрагмента были найдены в слое конца XIII в. [3, с. 123–124, рис. 7,4,5]. На Эски-Кермене фрагменты сосудов исламского производства, украшенных растительным орнаментом, изображениями фантастических существ и арабскими надписями, найдены в усадьбе, принадлежавшей семье с высоким имущественным и социальным статусом и погибшей в пожаре в конце XIII в. [3, с. 22, 23].

Херсонесская коллекция исламского стекла также невелика. Большая ее часть была опубликована в 1973 г. Людмилой Григорьевной Колесниковой [20]. С тех пор коллекция пополнилась всего несколькими новыми находками. Однако, учитывая тот факт, что с момента первой публикации прошло уже почти полвека, а также для получения полной картины представляется целесообразным опубликовать всю коллекцию целиком.

3 фрагмента из раскопок Херсонеса украшены изображениями рыб, которые относятся к числу наиболее распространенных, а, по мнению С. Карбони, и самых ранних мотивов [50, р. 339]. Все сосуды с изображением рыб представляют собой кубки с цилиндрическим туловом, расширяющимся в верхней части, вогнутым ко-

ническим в сечении дном и поддном, сформованным из сплошного жгута стекла. В большинстве известных случаев выполненную золотом фигуру рыбы оконтуривает тонкая красная линия.

Самый ранний расписанный золотом и цветными эмалями кубок с разбросанными по всей его поверхности изображениями рыб датируется довольно узко благодаря надписи с именем султана Санджар-Шаха, правившего с 1180 до 1209 гг. [49, р. 173, fig. 3]. На Руси фрагменты кубков с изображениями рыб или дельфинов найдены в Переяславле Рязанском, где три фрагмента были обнаружены в комплексах второй половины XIII – XIV в., XIII–XIV вв. и первой половины XIV в. [33, с. 264, рис. 2]; в Новгороде фрагмент кубка с изображением рыбы найден в слое 1299–1313 гг. [36, с. 234–235, рис. 1,4]; еще один происходит из раскопок на Рюриковом городище [28, с. 173, цв. ил. 5,27]; в Твери несколько фрагментов обнаружены в строительном горизонте 1364–1385 гг. [18, с. 145, табл. 2, рис. 1,63,76; цит. по: 28, с. 173]; фрагмент кубка с изображением рыб, который не удалось связать с конкретным археологическим контекстом, был найден во Владимире. Известны такие кубки по раскопкам в Болгаре, где найдена целая серия стаканов цилиндрической формы с отогнутым венчиком, украшенных эмалевой росписью [9, с. 250, рис. X,3]. Сосуды с изображением рыб и арабскими надписями встречаются в курганных могильниках черноморского побережья от Анапы до Абхазии [9, с. 252, рис. 3,3,5; 6, с. 25, рис. 12, 13].

Из Пражского града происходит кубок с золотыми рыбками и арабской надписью, который, как считается, был подарком чешскому королю Пржемыслу Отакару II (1253–1278). Еще один или два кубка с золотыми рыбками обнаружены в контексте 1270–1350 гг. в Брно [95, р. 203, fig. 4a; 32, с. 267, рис. XIV, XVI].

На территории Израиля известно очень незначительное количество находок расписного стекла. Среди них – два кубка с изображением рыб, надписью и растительным орнаментом, найденные в Арсуфе (Аполлония) в комплексе 1265 г. [73, р. 91–95, fig. 6,8]. В Египте фрагменты кубков с изображением рыб, датирующиеся серединой XIII в., происходят из Ком-Эль-Дека [79, р. 81–82, fig. 3,3–5], Фустата [91, р. 117, No. 46, fig. 46n], Кусейр аль-Кадима [107, р. 103–104, fig. 4. fig. 3,k] и Куфта [100, р. 130–131, No. 164]. Целые экземпляры с изображением одной или нескольких рыб хранятся в собраниях музея Ганновера [82, S. 120], Британского музея (около 1250 г.) [100, р. 131, fig. 164]. Обширный список находок сосудов с изображением рыб приводит Р. Кучаршик [79, р. 81–82].

Таким образом, кубки с изображением рыб, в том числе на территории Руси, происходят из комплексов второй половины XIII – XIV в. Однако следует учитывать упоминавшийся фрагмент орнаментированного рыбками кубка с именем султана Санжар Шаха, правившего в 1180–1209 гг. [50, р. 204, 205, fig. 100].

В *Херсонесе* все фрагменты кубков с изображением рыб происходят из слоя пожара второй половины XIII в.

1. В 1967 г. в Портовом районе в засыпи подвала помещения 60 был найден фрагмент цилиндрического тулова бокала с изображением рыбы: контур фигуры и

детали выполнены тонкой красной линией, сама фигура – золотом (рис. 2,2)¹³. Поверх горизонтальной линии, нанесенной золотой эмалью, проведена тонкая красная линия. Горизонтальная линия обрамлена еле заметными волнами, выполненными золотой эмалью. Этот мотив очень характерен для восточного расписного стекла. Например, он украшает, сосуд с изображением птицы из раскопок в Новогрудке [25, с. 226, рис. IV]. Стекло сосуда почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком с редкими светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками и радужно-белесой пленкой продуктов выветривания на поверхности. Комплекс, в котором был обнаружен фрагмент, образовался в результате обрушения в подвал вещей из погибших в пожаре верхних этажей и кровли дома. Позже при ремонте дома над неочищенным подвалом был сделан новый пол и содержимое подвала дошло до нас нетронутым, представляя собой закрытый комплекс, содержавший большое количество черепицы, простой гончарной и поливной посуды и фрагменты флаконов из синего стекла, расписанных золотом и эмалью, а также монеты, в том числе Кай Кавуса I (1210–1219). Авторы раскопок отнесли пожар, от которого пострадали и соседние усадьбы, ко второй половине XIII в. [20, с. 252–253].

2, 3. В Портовом районе в 1965 г. в слое пожара того же времени (помещение 48-86в) найдены еще два фрагмента сосудов с изображением рыб [20, с. 253]¹⁴. Один принадлежал кубку с цилиндрическим туловом: контуры фигур (стилизованные изображения рыб) выполнены тонкой линией красновато-коричневой эмали, сама фигура внутри заполнена золотом (рис. 2,3). В верхней части фрагмента – горизонтальная линия, нанесенная красновато-коричневой эмалью, над которой тонкой линией такой же эмали нанесены контуры плетенки, заполненной толстым слоем плотной голубой эмали и тонким слоем в значительной степени утраченного золота. Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком с редкими светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками. Поверхность стекла покрыта радужно-белесой пленкой продуктов выветривания. Второй фрагмент с плохо сохранившимся изображением рыбы, нанесенным темной эмалью, также принадлежал кубку, но, по-видимому, несколько больших размеров (рис. 2,4).

4. В 1988 г. в Портовом квартале 2 найден фрагмент кубка с цилиндрическим туловом (утрачена его верхняя часть), вогнутым коническим в сечении дном на низком кольцевом поддоне, сформованном из круглого в сечении стеклянного жгута (рис. 2,10) [15, с. 172–173]¹⁵. На нижней поверхности дна – след от понтии в виде налепа. Средняя часть тулова украшена симметрично расположенными изображениями летящих птиц, под которыми помещены две перевитые ленты. Рисунок выполнен белой эмалью, а контуры и детали – тонкой коричневой, скорее, красновато-коричневой линией. Стекло зеленоватое, естественно окрашенное с плотным радужно-серебристым слоем продуктов выветривания на поверхности. Изобра-

¹³ Раскопки В. И. Кадеева; ГИАМЗХТ, Инв. № 29/36749.

¹⁴ ГИАМЗХТ, Инв. № 8/36703.

¹⁵ ГИАМЗХТ, Инв. № 24/37245.

жения птиц относятся, наряду с рыбами, к числу наиболее популярных мотивов исламского стекла. Как среди изображений рыб не удастся найти двух, точно повторяющих друг друга, так нет таковых и среди изображений птиц, поэтому точных аналогий изображению на херсонесском сосуде найти не удалось. Некоторое сходство херсонесские птицы имеют с птицей, изображенной на декантере первой половины XIV в. из музея Метрополитен [74, р. 45, ill. 49].

Изображения рыб и птиц часто сочетались с арабскими надписями обычно благожелательного или хвалебного характера. Так, в Переславле Рязанском фрагменты как минимум трех сосудов с изображением рыб в сочетании с арабскими надписями найдены в слое второй половины XIII – начала XIV в. [33, рис. 2, цв. рис. 1].

5. Сочетание изображений рыб и надписи имеется на фрагменте цилиндрического тулова кубка из помещения 55 Портового района города: контур фигуры рыбы и детали выполнены тонкой линией красной эмали, сама фигура внутри заполнена тонким слоем золота; золотом нанесена также горизонтальная линия, поверх которой красной эмалью нанесена тонкая линия¹⁶; золотом, по-видимому, было выполнено нечто вроде арабской надписи, от которой остались только слабые следы (рис. 2,1). Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком с редкими светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками. Поверхность стекла покрыта радужно-белесой пленкой продуктов выветривания.

6. Возможно, на беспаспортном фрагменте кубка с цилиндрическим, слегка расширяющимся кверху туловом имелось такое же сочетание надписи и изображений рыб или птиц. На фрагменте сохранилась часть надписи, нанесенной широкой линией золота, поверх которой нанесена густая голубая эмаль, что дает эффект рельефа (рис. 2,6)¹⁷. Надпись сверху и снизу обрамлена тонкими линиями золота, поверх которого нанесены тонкие линии красной эмали. Стекло почти бесцветное с радужно-серебристым плотным слоем продуктов выветривания на поверхности.

7. Еще один кубок с росписью белой, голубой и красной эмалью, к сожалению, очень фрагментированный (более 40 фрагментов) был найден в 1988 г. в слое пожара второй половины XIII в. в квартале X-A Северного района (усадебный дом 3, помещение 1а; раскопки С. Г. Рыжова). На некоторых фрагментах можно распознать геометрический орнамент и арабскую вязь.

8. К другой группе принадлежал фрагмент цилиндрического (?) тулова бокала (?), украшенного поясом рельефного точечного орнамента (рис. 2,7)¹⁸. Похоже, точки были нанесены на золотой фон: местами как будто видны остатки золота. Пояс из точек прерывается медальоном (?): видны следы двойной линии (две концентрические окружности?), выполненной красной эмалью; центральная часть медальона и пространство между линиями были заполнены золотом. Пояс из рельефных точек с обеих сторон был обрамлен горизонтальными полосами, выполненными золотом,

¹⁶ Раскопки Л. Г. Колесниковой и С. Ф. Стржелецкого; ГИАМЗХТ, Инв. № 5/36661.

¹⁷ Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича; ГИАМЗХТ, Инв. № 25 г. 5190.

¹⁸ Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича; ГИАМЗХТ, Инв. № 25 г. 5314.

с тонкими красными линиями по краям. Выше также была роспись, вероятно, также золотом – зигзагообразная линия (?), но следы очень слабые и, возможно, это игра воображения. Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком. Поверхность стекла покрыта плотным серебристым слоем продуктов выветривания.

9. Фрагмент расширяющейся верхней части кубка из оливково-зеленоватого стекла найден в слое пожара второй половины XIII в. в квартале L Южного района города (рис. 2,11)¹⁹. Сосуд под воздействием огня деформировался, в результате чего противоположные его стенки сплавились и на момент находки он представлял собой темный клякиш стекла, на котором с трудом можно было рассмотреть роспись золотом и цветными эмалями, которая украшала его верхнюю часть: плетенка, над которой изображена вьющаяся виноградная лоза с гроздьями белого и синего винограда, нанесенными тончайшей линией и мельчайшими точками (виноградины).

Орнамент, включающий рельефные точки, украшает сосуды из раскопок в Новогрудке, где они датируются XII – 70-ми гг. XIII в. [16, с. 13, табл. VIII, IX]. Рельефные синие точки и плетенка, выполненная золотом, синей и красной эмалями, составляли орнаментику нескольких фрагментов, найденных при раскопках здания конца XIII – XV в. в Новгороде [28, с. 173, ill. 6,1–11,17]. Орнамент, включающий участки, заполненные крошечными (1 мм в диаметре) синими и белыми шариками, украшал два кубка, найденные при раскопках во Владимире в слое пожара 1238 г. [23, с. 150–151, рис. 2–3]. Серединой XIII в. датируется фрагмент кубка, украшенный мелкими точками бирюзовой, синей и белой эмали, организованными в зигзагообразный орнамент, из коллекции Насера Д. Халили [59, р. 263, fig. 14].

10. Фрагмент толстостенного (Т. стенок – 0,2–0,3 см) сосуда с росписью красной, белой и золотой эмалью был найден в 1965 г. в слое пожара в уже упоминавшемся помещении 48 Портового района города (рис. 2,8)²⁰. Поверхность стекла покрыта плотным радужно-серебристым не отслаивающимся слоем продуктов выветривания, за которым практически невозможно разобрать сюжет. Удалось рассмотреть: в верхней части фрагмента – оконтуренные золотом овалы, внутри овалов – толстый слой розовой эмали, сверху покрытой золотом; в нижней части фрагмента вытянутый по вертикали крест, выполненный красной эмалью. Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком, с единичными эллиптическими пузырьками. Следует отметить, что розовый цвет относится к числу редко применяемых при росписи исламских сосудов [59, р. 264]. Редкий фрагмент стакана цилиндрической формы, украшенного цветком, составленным из похожих овалов, найден в Болгаре [9, с. 250, рис. X,2].

Надо отметить, что при раскопках Херсонеса помимо фрагментов сосудов с более или менее читаемым сюжетом, иногда встречаются совсем мелкие осколки с росписью золотом и цветными эмалями, по которым невозможно определить ни форму сосуда, ни, тем более, сюжет росписи. Кроме того, находят фрагменты нижней

¹⁹ Раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновича 2004 г.; ПО SR 410, SF 2499.

²⁰ ГИАМЗХТ, Инв. № 8/36703.

части сосудов со слегка расходящимися кверху стенками, вогнутым коническим в сечении дном на низком кольцевом поддоне, сформованном из сплошного круглого в сечении стеклянного дрота (рис. 2,5,9), которые, скорее всего, принадлежали кубкам с росписью. Сделаны они, как правило, из практически бесцветного стекла с легким голубоватым или зеленоватым оттенком и мелкими светлыми пузырьками.

Количество выявленных в Херсонесе сосудов исламского происхождения слишком незначительно, чтобы город можно было считать центром, через который восточное стекло поступало в северные земли [7, с. 88]. Большое количество таких изделий в могильниках восточного побережья Черного моря, на памятниках Нижней и Средней Волги, в городах Северо-Восточной Руси и в Новгороде свидетельствуют о ведущей роли Волжского пути в движении восточного художественного импорта в XIII–XV вв.: через Болгар и другие города Золотой Орды ближневосточная стеклянная художественная посуда поступала на Русь (обширный список находок такого стекла в центрах, распложенных по указанному маршруту приведен С. И. Валиулиной [9, с. 254–255]). Однако, судя по находкам в городах Северо-Восточной Руси, попадали такие сосуды в обиход только богатых горожан и не были предметом специальной торговли, а привозились на Русь путешественниками, или в качестве дипломатических даров [23, с. 155]. Этот же вывод можно сделать относительно расписных сосудов восточного происхождения из раскопок Херсонеса. Крайне незначительное их количество говорит о том, что, скорее всего, они были привезены в город либо путешественниками, среди которых были паломники, из Святой земли, либо являлись дарами, в том числе дипломатическими.

III. Кубки с налестами, в англоязычной литературе обычно называемые *Prunted Beakers*, выполнены в технике свободного выдувания и имеют сплошной кольцевой поддон, сформованный из стеклянного жгута, напаянного на дно сосуда. Иногда поддон украшали «выщипами», сформованными с помощью щипцов [76, p. 77, fig. 4,5,9; 85, p. 39, fig. 5i; 77, p. 182; 79, p. 83]. На поверхность уже готового сосуда напаявали небольшие капли горячего стекла, которые слегка прокручивали для придания им формы узла или свернувшейся змеи. Капли могли быть из стекла как того же цвета, что и весь сосуд, так и других цветов. Например, известны кубки с синими налестами или с налестами цвета сосуда, но с цветными кончиками [76, p. 89; 67, p. 118; 85, p. 39, fig. 5f]. Из Братиславы, Брно и замка Весели-над-Моравоу в Чехии происходят кубки второй половины XIII в., украшенные чередующимися рядами бесцветных и синих налестов [96, p. 401].

Происхождение. Общепринято мнение, что *prunted decoration* появляется где-то на Ближнем Востоке и затем распространяется в Южной Европе [60, p. 248]. Так, по мнению Г. Дэвидсон, украшенная таким образом посуда появилась в Сирии, через Египет попала в Коринф и затем распространилась по Европе [54, p. 308, fig. 11, 12,1–3]. Похожего мнения придерживается Н. Шварцер, который считает, что, появившись на Ближнем Востоке, такие сосуды за короткое время через Малую Азию (например, через Пергам) проникают в Европу [93, S. 94; 94, p. 173]. Аналогич-

ного мнения придерживается Д. Фуа, по мнению которой отсутствие таких кубков на Западе до середины XIII в. говорит о возникновении рассматриваемого типа на Востоке, откуда он позже попадает на Запад, и открытым остается лишь вопрос о том, кто был создателем типа: сирийские стеклоделы или обосновавшиеся в Сирии латинские мастера [57, р. 433].

Хотя европейские мастера долго копировали формы сосудов восточного производства [60, р. 248], ряд особенностей отличает сирийские сосуды от сопоставимой западной продукции. Если на первых, как правило, имеется не более трех рядов налепов, то на сосудах из Коринфа или Италии – 5 и даже 8 рядов. На сирийских сосудах капли довольно высокие, поскольку часто одна капля перекрывается второй, меньшего размера, иногда окрашенной в сине-бирюзовый цвет. На Западе также иногда использовали вторую синюю каплю стекла для создания колористического эффекта, но синий, кобальтовый цвет западных образцов отличается от бирюзово-голубого восточных сосудов. Восточные мастера использовали и другие варианты декорировки: оттискивание на каплях розеток или чередование капель с зигзагообразно напаянными нитями [57, р. 433, pl. 1,33–34].

Датировка. Самые ранние сосуды рассматриваемой группы происходят из комплексов XII в. В контексте XII в. найден фрагмент такого кубка в Александрии Троадской [92, S. 74, Abb. 51–52]. Судя по находкам в Палермо, в XII в. такие сосуды, возможно, появляются в Италии [108, р. 115–116]. Во всяком случае, они зафиксированы в контекстах конца XII – XIII в. на Сицилии и в Апулии [68, р. 71; 85, р. 39]: в Айдоне (Сицилия) фрагменты таких сосудов найдены с монетой Фридриха II (ум. 1250) [108, р. 115–116], а в Бриндизи (Апулия) они происходят из комплекса с монетой Фридриха II 1209 г. выпуска [109, р. 77]. В Дамаске фрагменты таких сосудов найдены в контекстах, относящихся ко времени до 1220–1230 гг., но не ранее XII в., и предполагают изготовление таких сосудов в конце XII или начале XIII в. [57, р. 433]. В Палестине в замке Монфор в 20 км от Акры фрагменты таких кубков найдены в слое, датированном временем между 1226 и 1271 гг. [111, р. 191].

Особо следует остановиться на раскопках Южной стеклоделательной мастерской в Коринфе, где украшенные подобным образом кубки и чашечки были найдены впервые, и где они составляют одну из самых больших групп среди производимых там стеклянных сосудов [54, р. 308, fig. 11,1–2; 12,1–3]. Автор раскопок Г. Дэвидсон сначала датировала мастерскую XI – первой половиной XII в. и, соответственно, к этому же времени отнесла найденные там сосуды [55, р. 83, 88]. Однако в работе 1975 г. отметила, что более не настаивает на предложенных ею ранее датах [105, р. 133], а Д. Уайтхаус, проанализировав методику, по которой проводились раскопки, отнес мастерскую ко времени оккупации Коринфа франками (ок. 1250–1312). Аргументом в пользу такой даты послужил и тот факт, что самые ранние сосуды, схожие с теми, которые обычно связывают с Южной стеклоделательной мастерской, на различных памятниках Италии, в частности в Тарквинии и Фарфе, происходят из надежно датированных комплексов XIII в. [109, р. 73–78]. Позже Ч. К. Вильямс,

проводивший в 1989–1996 гг. новые раскопки на участке мастерской и прилегающей к ней территории, обратил внимание на отмеченную в полевых дневниках Г. Дэвидсон-Вайнберг находку в засыпи, на которой была возведена печь мастерской, монеты XII в., т.е. печь не могла быть построена ранее этого времени [113, р. 431]. Еще более показательным явился тот факт, что стеклянные изделия, найденные в огромных количествах в ходе исследования в слоях, надежно датированных концом XIII в., т.е. временем, непосредственно предшествующем каталанскому нашествию 1312 г. [114, р. 150], по всем параметрам (типы, стиль, качество стекла, технология изготовления) полностью совпадают со стеклом, опубликованным Г. Вайнберг. По предположению Ч. К. Вильямса, стеклоделы XII в. и мастера франкского времени использовали для своей деятельности один и тот же участок, и франкские мастера, возможно, инкорпорировали сохранившиеся от стеклоделательной мастерской XII в. строительные остатки в сооружения своего центра [113, р. 431]. Все это не прояснило ситуацию, т.к. найденные при раскопках сосуды могли производиться как в мастерской XII в., так и в мастерской второй половины XIII столетия. Наконец, новые исследования, проведенные в 2015 г., показали, что практически все помещения на участке были возведены не во второй половине XIII в., как Г. Сандрес и Ч. Вильямс считали ранее, а в начале XIV в.: на полах помещений и в слоях, образовавшихся в результате разрушения брошенных построек, были найдены счетные жетоны, датированные временем не ранее 1380 или 1390 г., и Г. Сандрес предложил «еще более радикальную корректировку даты «стеклоделательной мастерской», которая при первой публикации датировалась XII в.» [89, р. 4–5]. Выпускала эта мастерская преимущественно очень востребованные кубки для питья, предназначавшиеся для повседневного использования, но, тем не менее, отличавшиеся довольно высоким качеством, в том числе и большое количество кубков с налечами [58, р. 597].

Предложенная Г. Сандерсом дата коринфской мастерской соответствует времени наибольшей популярности сосудов рассматриваемой группы, которое приходится на XIII–XV вв. [108, р. 115–116, fig. 1; 109, р. 73–78; 83, р. 81, pl. 16, 427, 429; 79, р. 83], хотя в Европе они встречаются до XVI в. включительно [54, р. 308; 95].

Центры производства. В настоящее время, помимо Коринфа, предполагается производство таких кубков во многих центрах, хотя не везде оно подтверждено археологически. В конце XIII в. эту технику широко использовали мастерские Италии (есть свидетельства производства таких сосудов на венецианском Мурано и в одном из центров Южной Италии [76, р. 89]). На юго-востоке Франции открыта мастерская в Варе [56, р. 144], предполагается производство таких сосудов к северу от Альп [92, р. 79] и в Богемии [60, р. 248; 57, р. 431]. Одна из мастерских XIII–XIV вв., производившая сосуды с налечами, открыта в Хорбат-Узе [62, р. 180–181, fig. 3.39:5]. Предполагается также их производство в Сомеларии (в шести километрах к северу от Акко) в мастерской, функционировавшей в XIII в. и разрушенной в 1291 г. [61, р. 83]. Считается, что найденные на территории Израиля сосуды, отличающиеся высоким качеством стекла и формовки сосуда, привозились с Запада, а сосуды более гру-

бой работы и из стекла худшего качества приписывают местным мастерским [61, р. 82–84, fig. 2,20–26]. Большое количество находок таких кубков из прозрачного, в основном, оливкового или желтовато-зеленого стекла со множеством пузырьков в Пергаме в слоях XIII в. позволило сделать вывод об их местном производстве, что подтверждено результатами археометрического анализа (кубки принадлежат к той химической группе стекла, которая использовалась в региональных стекольных мастерских) [94, р. 173].

Ареал украшенных налепами сосудов чрезвычайно обширен. Самый восточный экземпляр происходит из Горгана на северо-востоке Ирана [112, р. 163–164, No. 895]. На территории Израиля, где такие сосуды характерны, главным образом, для периода присутствия в регионе крестоносцев, их находки известны по раскопкам в Акре и недалеко расположенном замке Монфор, Бет-Шане, Хорбат-Узе, Йокнеаме, Яффе [61, р. 83, fig. 2,20–26; 111, р. 191], Назарете [39, р. 90, fig. 4,3; 5,6], Тверии [40, р. 180–181, fig. 11.2, 19], Баниасе [64, р. 85–86, fig. 5.4, 13] и т.д. Довольно часто они встречаются на территории Сирии (Дамаск, Хама) [57, р. 433]. Небольшой фрагмент был найден в Константинополе в комплексе XI – начала XIII в. [71, р. 404, fig. 152, 68]. Фрагменты нескольких сосудов с налепами были найдены в Аланье при раскопках дворца, построенного в 1221–1226 гг. для сельджукского правителя Конийского султаната Ала ад-Дин Кей-Кубада I (1219–1236) и его сына Кей-Хосрова (1236–1246) [41, р. 133–135, fig. 6–7]. 3 экземпляра таких кубков с налепами происходят из византийской церкви св. Николая в Мире (недалеко от современного города Демре) и датированы опубликовавшими их авторами XI–XIII вв.: на двух налепы и напаянная нить были выполнены из стекла того же цвета, что и весь сосуд, на третьем – из синего стекла [53, fig. 4e-g; цит. по: 42, р. 136]. Фрагменты стенок таких кубков найдены в Александрии Троадской в контекстах XII и XIII вв. [92, S. 74, Abb. 51–52]. На территории Италии, включая Сицилию, по подсчетам Д. Уайтхауза, к 1983 г. такие сосуды были найдены в 30 центрах [108, р. 115–116]. Их находят на территории Швейцарии, Германии, Франции, Голландии и Великобритании [54, р. 308; 67, р. 118–1196; 56]. В XIII в., особенно в его второй половине, такие кубки были распространены на территории Венгрии [65, S. 208, Abb. 9; 14], Богемии [52, р. 191], на побережье Далмации, в Герцеговине [76, р. 77–79, fig. 4, 5, 9; 77, р. 182, fig. 3], Словакии [96, р. 400], Моравии [95, р. 195, fig. 3, 3.6–8; 3a], Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии²¹.

В Крыму кубки с налепами представлены лишь единичными фрагментами. Небольшой фрагмент стенки из прозрачного желтоватого стекла был найден при раскопках часовни на Эски-Кермене [2, с. 427, рис. 21,1]. Из Крыма происходит хранящийся в Британском музее стакан с расширяющимся кверху туловом с поясом налепов между двумя горизонтальными нитями стекла того же цвета, что и весь сосуд, найденный в Керчи с монетами 1313–1373 гг. (рис. 3,3). По предположению Х. Тейта, сосуд был произведен в Венеции в конце XIII – XIV в. [100, р. 149, fig. 189a].

²¹ Обширный список находок таких сосудов см. [79, р. 83].

Единичными фрагментами они представлены и в Херсонесе. Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича происходит фрагмент бокала с коническим в сечении туловом со слегка отогнутым венчиком и оплавленным краем [20, с. 255, рис. 3]²². Верхняя часть тулова украшена накладным орнаментом из стекла того же цвета, что и весь сосуд: горизонтально наложенная нить с заходящими друг за друга концами и поясом налепов в форме запятых (рис. 3,1). Стекло светло-зеленое с оливковым оттенком, прозрачное, с мельчайшими светлыми эллиптическими горизонтальными (сильно вытянутыми на венчике) пузырьками. Поверхность стекла блестящая гладкая, без малейших признаков выветривания.

Из слоя пожара второй половины XIII в. в квартале X-A (помещение 1 усадьбы 1) в Северном районе Херсонеса происходит фрагмент стенки, украшенной напаянной нитью марганцевого стекла и марганцевым прокрученным налепом (рис. 3,2)²³. Стекло сосуда с легким голубоватым оттенком с мелкими светлыми пузырьками и серебристым слоем продуктов выветривания на поверхности.

IV. Сосуды с каплями и нитями цветного стекла.

Скорее всего, вариантом вышеописанных кубков с налепами является сосуд, фрагменты которого были найдены в слое пожара второй половины XIII в. в квартале X-A Северного района Херсонеса (помещение 1 усадьбы 1). Фрагменты сильно деформированы от воздействия огня (рис. 4), но, скорее всего, принадлежали кубку с расходящимися кверху стенками и оплавленным краем (Д. – около 5,0 см), к внешней стороне которого напаяна нить бирюзового стекла (рис. 4,8). Тулово сосуда украшено горизонтально напаянными нитями бирюзового и налепами марганцевого и бирюзового стекла. Сохранилось несколько фрагментов: один с налепом из марганцевого (рис. 4,3) стекла, второй (рис. 4,2) – бирюзового, на третьем фрагменте (рис. 4,1) – один марганцевый, второй – бирюзовый, третий – рельефный (выдут вместе с туловом сосуда?) и еще 3 сильно деформированных спекшихся фрагмента стенок с напаянными жгутами бирюзового стекла (рис. 4,4–7)²⁴. Стекло сосуда серовато-голубоватое с мелкими светлыми пузырьками и плотной серебристой пленкой продуктов выветривания.

Редкие сосуды, украшенные цветными (синими и бирюзовыми) каплями в сочетании с другими видами накладного орнамента (горизонтально, зигзагообразно или прихотливо наложенными нитями стекла, как правило, того же цвета, что и сосуд), происходят из исламских стран [50, р. 123–124, nos. 40–41]. Д. Уайтхаус несколько сосудов, хранящихся в различных музеях, датирует XI – началом XIII в. и относит к продукции сирийских стеклоделательных мастерских [112, р. 164, 185–186, 190, nos. 896, 928, 934]. Раскопки в Хаме дали несколько кубков с цилиндрическим туловом, украшенным накладными нитями стекла того же цвета, что и сам сосуд, или контрастирующего цвета [87, fig. 162; цит. по: 50, р. 124]. С. Карбони отмечает находки таких сосудов в Крыму [50, р. 125].

²² ГИАМЗХТ, Инв. № 5193.

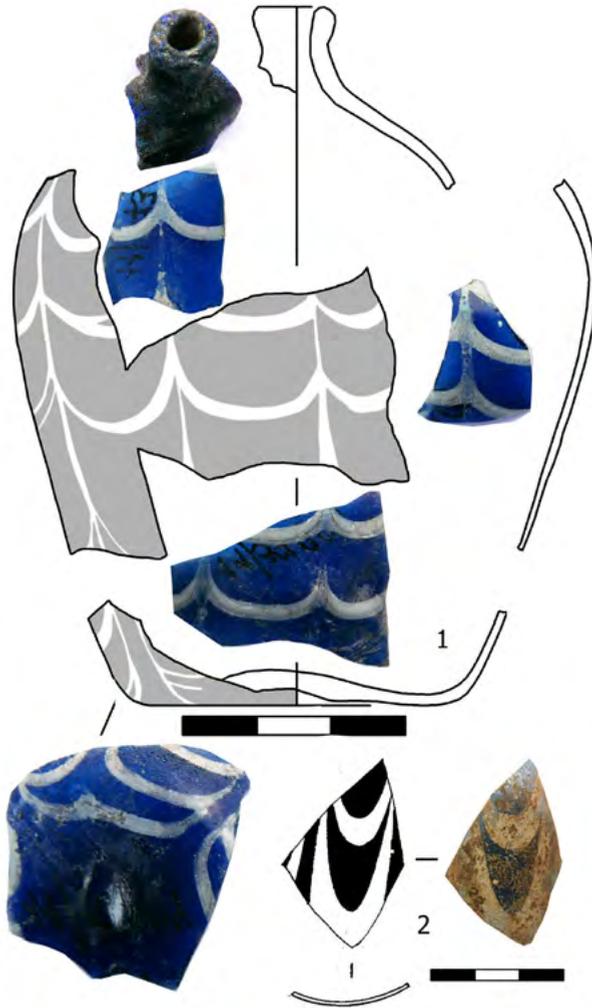
²³ ГИАМЗХТ, Инв. № ВФ 641, 37131.

²⁴ ГИАМЗХТ, Инв. № ВФ 641, 37131.

Сосуды, декорированные марганцевыми и бирюзовыми нитями и налестами стекла, по предположению Р. М. Джанполадян, в XII–XIII вв. производила одна из мастерских Двина. Двинские сосуды украшены нитями разной толщины и разного цвета, которые накладывались разными способами (горизонтально, одной или несколькими волнистыми линиями, зигзагами, жгутом, плетенкой) и сочетались с напаянными цветными каплями и точками. Таким узором украшали чаши, стаканы, кубки и флаконы, которые такая декорировка делала особенно нарядными. Один из способов оформления венчиков, использовавшихся двинскими мастерами, заключался в приваривании к краю сосуда нити, иногда цветной [17, с. 38–39, илл. 59, 71, 95, 101, 102, табл. XVI]. Такое же оформление венчика имеет херсонесский сосуд.

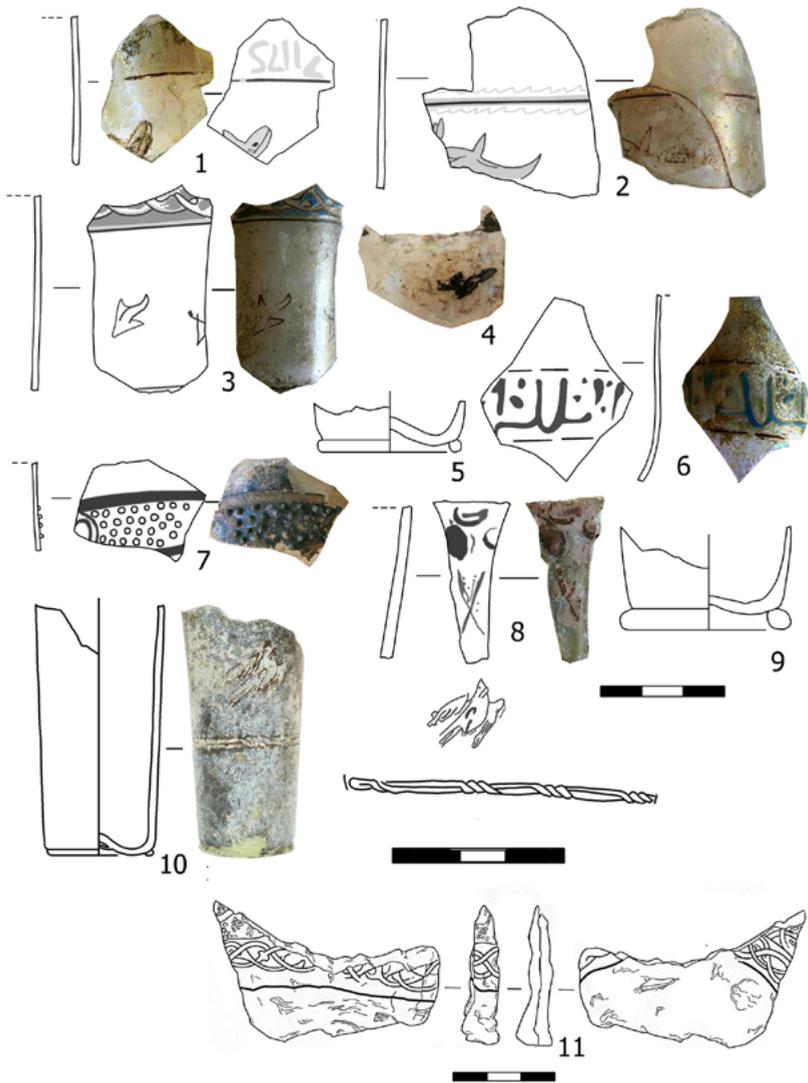
С. Кенессон отмечает, что кубки с простым цветным декором, хоть и отдаленно, но все же напоминающим орнаменту херсонесского экземпляра, в XIII–XIV вв. были распространены на юге России, в Крыму и вдоль восточного побережья Черного моря [75, р. 47, 48; цит. по: 32, с. 267, рис. XXIII]. Надо отметить, что мне находки таких сосудов в Крыму неизвестны.

Выводы. Представленная коллекция расширяет представление о распространении стеклянных сосудов, принадлежащих к той группе изделий, которые всегда вызывают повышенный интерес исследователей. Немаловажен и тот факт, что, за исключением нескольких беспаспортных фрагментов, представленные сосуды выявлены в закрытом комплексе – слое пожара второй половины XIII в. Коллекция немногочисленна, что, несомненно, свидетельствует о том, что входящие в ее состав сосуды не были предметом торговли. В Херсонес их либо привозили путешественники и паломники, либо они попадали в город в качестве даров, в том числе дипломатических. Кроме того, это не позволяет считать Херсонес центром, через который стеклянные сосуды представленных групп ввозились в северные земли, в том числе города Древней Руси. Нетоварный характер поступления таких сосудов в Северное Причерноморье подтверждается и крайне незначительным количеством их находок в тех центрах Таврики, которые, как считается, снабжались через херсонесский рынок.

Рис. 1. Сосуды с прокатанным орнаментом из раскопок Херсонеса: 1 – флакон из слоя пожара в квартале X-Б Северного района города; 2 – фрагмент сосуда из раскопок в квартале L Южного района

Fig. 1. Marvered glass vessels excavated in Chersonese: 1 – scent bottle from the fire layer in quarter X-B in the northern area of the ancient city; 2 – vessel fragment excavated in quarter L in the southern area

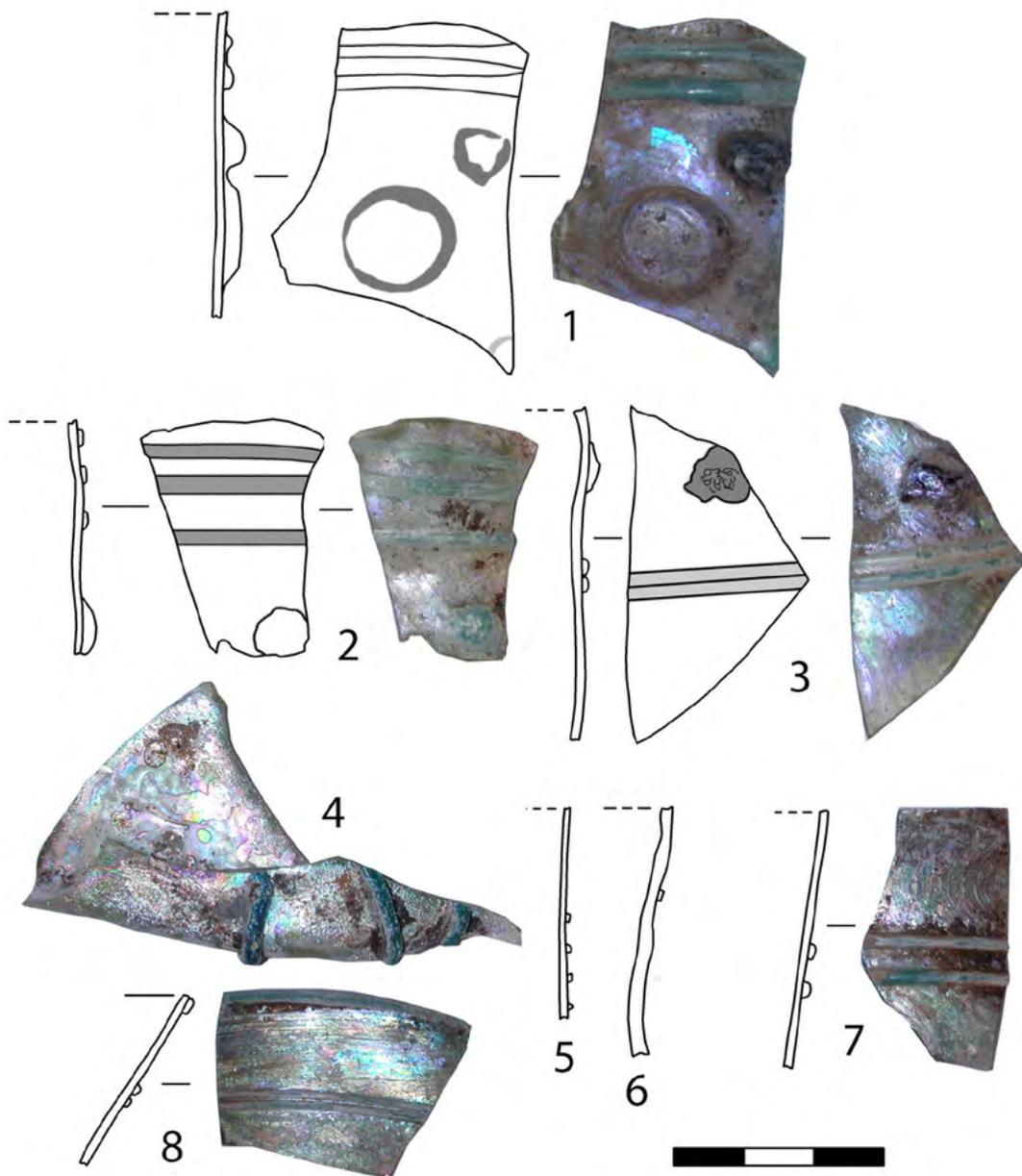
Рис. 2. Кубки с росписью золотом и эмалью из раскопок Херсонеса: 1 – фрагмент из слоя пожара в помещении 55 Портового района; 2 – фрагмент из слоя пожара в подвале помещения 60 в Портовом районе; 3, 4 – фрагменты из раскопок слоя пожара в помещении 48-86в в Портовом районе; 5, 9 – фрагменты с кольцевым сплошным поддоном; 6, 7 – фрагменты из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича; 8 – фрагмент из слоя пожара в помещении 48 Портового района; 10 – фрагмент из слоя пожара в Портовом квартале 2; 11 – фрагмент из слоя пожара в квартале L Южного района города

Fig. 2. Enamel- and gold-painted beakers excavated in Chersonese: 1 – fragment from the fire layer in room 55 of the port area; 2 – fragment from the fire layer in the basement of room 60 in the port area; 3, 4 – fragments from the fire layer in room 48-86v of the port area; 5, 9 – beaker fragments with a solid ring base; 6, 7 – fragments excavated by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich; 8 – fragment from the fire layer in room 48 of the port area; 10 – fragment from the fire layer in the port quarter 2; 11 – fragment from the fire layer in quarter L in the southern area of the ancient city

Рис. 3. Кубки с налепами (prunted beakers): 1 – фрагмент из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжнич в Херсонесе; 2 – фрагмент из слоя пожара в усадьбе 1 Северного района Херсонеса; 3 – кубок из Крыма, хранящийся в Британском музее [по: 100, fig. 189a]

Fig. 3. Prunted beakers: 1 – fragment excavated by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich in Chersonese; 2 – fragment from from the fire layer in quarter X-A of the northern area of Chersonese; beaker from the Crimea housed in the British Museum [after: 100, fig. 189a]

Рис. 4. Фрагменты сосуда с каплями и нитями цветного стекла из слоя пожара в усадьбе 1 квартала X-A Северного района Херсонеса

Fig. 4. Fragments of a vessel with drops and threads of coloured glass from the fire layer in house 1 in quarter X-A of the northern area of Chersonese

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 21–28.
4. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
5. Аракелян Б.Н. Армения в IX–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 335–350.
6. Армарчук Е.А. Северо-восточное Причерноморье XI–XIV вв.: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры // От Руси до Китая. Из новых археологических исследований. Сборник статей к юбилею Ю.Ю. Моргунова / Ред. В.Ю. Коваль. М., 2017. С. 14–34.
7. Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник Московского университета. 1972. № 2. С. 83–90.
8. Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
9. Валиулина С.И. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 236–261.
10. Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д. Стеклянные изделия Самосдельского городища // Ученые записки Казанского университета. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.
11. Голофаст Л.А. Керамика и стекло Иоасафовского участка: аналитические каталоги // Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. М.: Индрик, 2016. С. 359–477.
12. Голофаст Л.А. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне // РА. 2019. № 4. С. 144–157.
13. Голофаст Л.А. Византийские сосуды с росписью золотом и цветными эмалями из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции. М., 2022 (в печати).
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
15. Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991. 253 с.
16. Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. 26 с.
17. Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1974. 76 с. (Археологические памятники Армении. 7. Средневековые памятники. Вып. II).
18. Егорьков А.Н. Химический состав твердого посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997) / Ред. В.А. Лапшин. СПб., 2001. С. 138–148.
19. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.
20. Колесникова Л.Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // ВВ. 1973. Т. 34. С. 249–256.
21. Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М., 1963. С. 5–103. (МИА. № 117).
22. Крижанец М. Средневековно стакло из катедрале светог Трипуна у Котору. Београд, 2001. 84 с.
23. Кузина И.Н. Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 г. // РА. 2015. № 4. С. 149–157.

24. Лавыш К.А. Художественные изделия Востока, найденные на территории Беларуси: известные и новые находки (X–XIV вв.) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 244–254.
25. Лавыш К.А. Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси: новые факты и интерпретации // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 225–235.
26. Мыц В. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997. С. 66–67.
27. Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследование центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 53–66.
28. Плохов А.В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности / Ред.-сост. А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.
29. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–217.
30. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 290–311.
31. Седикова Л.В. Квартал на участке водохранилища в Херсонесе в поздневизантийский период // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антика, 2019. С. 100–102.
32. Седлачкова Г. Византийские и ближневосточные сосуды и оконное стекло IX–XIV вв. в чешских землях // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 262–269.
33. Стрикалов И.Ю., Кузина И.Н. Новая находка импортного стеклянного сосуда из Переяславля Рязанского // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 263–270.
34. Теофил. Записка о разных искусствах // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. М., 1963. Вып. 7. С. 66–184.
35. Тесленко И.Б. Керамика Эски-Кермена эпохи «посткатастрофы» (по материалам исследований в центральной части городища) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар / Ред. Н.А. Алексеев. Симферополь, 2020. С. 249–253.
36. Щапова Ю.Л. Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник / Ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 232–235.
37. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М., 1963. С. 104–163. (МИА. № 117).
38. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Ред. Б.А. Рыбаков. М., 1963. С. 102–133.
39. Alexandre Y. The Glass Finds // Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods / Eds. Y. Alexandre, G. Bar-Oz, A. Berman, N. Raban-Gerstel. Jerusalem: IAA, 2012. P. 89–106.
40. Amitai-Preiss N. Glass and Metal Finds // Hirschfeld Y., Amir R. Excavations at Tiberias, 1989–1994. Jerusalem, 2004. P. 177–190. (IAA Reports, 22).
41. Bakirer Ö. Glass from the Seljuk Palace at Alanya // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 199–212.
42. Bakirer Ö. The Palace of 'Alā ad-Dīn Kay-Qubād I ar Alanya and its Glass Finds. P. 129–138 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.ub.uni-heidelberg.de/propylaeum/reader/download/53/53-30-366-1-10-20160218.pdf> (дата обращения 15.03. 2021).
43. Bakirer Ö., Redford S. The Kubadabad Plate: Islamic Gilded and Enamelled Glass in Context // JGS. 2017. 59. P. 171–191.

44. Bass G., Lledo B., Matthews SH., Brill R.H. Serce Limani, Vol 2: The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck. Texas A&M University Press, 2009. 536 p.
45. Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report // *Annales du 16e Congrès de l’AIHV*. Nottingham, 2005. P. 186–190.
46. Brosh N. Mamluk Glass Bowl from Area J // Geva H. Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies. Jerusalem, 2014. P. 302–305.
47. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass // *Proceedings of the 9th ICAANE* / Eds. R.A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys. Basel, 2014. P. 909–920.
48. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass // *Proceedings of the 9th ICAANE* / Eds. R.A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys. Wiesbaden, 2016. P. 357–368.
49. Carboni S. Glass Production in the Fatimid Land and Beyond // *L’Égypte Fatimide son art et son histoire. Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998* / Ed. M. Barrucand. Paris: Presses de l’Université de Paris-Sorbonne, 1999. P. 169–177.
50. Carboni S. Hot-Worked Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 101–145.
51. Carboni S. Painted Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 199–273.
52. Černa E., Tomková K. On the Road from the Early to High Middle Ages: Glass of the IXth – XIIIth centuries in Bohemia // *Archaeologia Polona*. 2017. 55. P. 189–210.
53. Çömezoğlu Ö. Myra-Demre Aziz Nikolas Kilisesinde Oniki ve Onüçüncü Yüzyıl Cam Buluntuları // *Uluslararası Sevgi Gönül Bizans Araştırmaları Sempozyumu* / Eds. A. Ödekan, E. Akyürek, N. Necipoğlu. İstanbul, 2010. P. 505–520.
54. Davidson G.R. A Medieval Glass-Factory at Corinth // *American Journal of Archaeology*. 1940. Vol. 44, No. 3. P. 297–332.
55. Davidson G.R. The Minor Objects. Corinth. Vol. XII. Princeton; New Jersey, 1952. 366 p.
56. Foy D., avec la collaboration de M.-Ch. Bailly-Maître. Verres médiévaux (XIIIe–XIVe siècle) à décor de gouttes rapportées. Les témoignages du midi de la France et leurs parallèles: variantes, chronologie et filiations // *Archéologie médiévale*. 2014. 44. P. 125–154.
57. Foy D. Verres islamiques de la Citadelle de Damas (IXe–XIIIe s.): Un aperçu // *Annales du 19e Congrès de l’AIHV* (Piran, 17th–21st September). Koper, 2015. P. 429–437.
58. François V., Spesier J.-M. Pottery and Glass in Byzantium // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A.E. Laiou. Washington, 2002. P. 593–609.
59. Gibson M. Admirably Ornamented Glass // *Glass from Sasanian antecedents to European imitations* / Ed. S.M. Goldstein. London, 2005. P. 262–289. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art 15).
60. Goldstein S.M., with contributions by J.M. Rogers, M. Gibson and J. Kröger. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XV. Glass from Sasanian Antecedents to European Imitations. London: The Nour Foundation, 2005. 384 p.
61. Gorin-Rosen Y. Excavation of the Courthouse Site at ‘Akko: Medieval Glass Vessels (Area TA) // *‘Atiqot*. 1997. 31. P. 75–85.
62. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Strata 5-1 // Getzov N. et al. Horbat ‘Uza, the 1991 excavations II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. P. 175–182. (IAA Reports 42).
63. Gorin-Rosen Y. A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat) // *‘Atiqot*. 2019. 97. P. 101–153.
64. Gorin-Rosen Y., Jackson-Tal R. Area B: The Glass Vessels // Tzaferis V., Israeli S. Paneas I. Jerusalem, 2008. P. 81–89. (IAA Reports 37).
65. Gyürky K.H. Glasfunde aus dem 13. u. 14. Jahrhundert im mittelalterlichen Dominikanerkloster von Buda // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1971. 23. S. 199–220.
66. Hadad S. Marvered Glass Vessels from the Umayyad through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel // *Levant*. 2002. 34. P. 151–158.

67. Han V. The Origin and Style of Medieval Glass Found in the Central Balkans // *JGS*. 1975. 17. P. 114–141.
68. Harden D.B. Some Glass Fragments, Mainly of the 12th – 13th Century AD, from Northern Apulia // *JGS*. 1966. 8. P. 70–79.
69. Harden D.B. Ancient Glass III // *Archaeological Journal*. 1972. 128. P. 78–117.
70. Hasson R. Islamic Glass from Excavations in Jerusalem // *JGS*. 1983. 25. P. 109–113.
71. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The pottery. Princeton N.J., 1992. 455 p.
72. Henderson J. Archaeological and Scientific Evidence for the Production of Early Islamic Glass in al-Raqqa, Syria // *Levant*. 1999. Vol. 31, Iss. 1. P. 225–240.
73. Jackson-Tal R. E., Tal O. Crusader Glass in Context: The Destruction of Arsuf (Apollonia-Arsuf, Israel), April 1265 // *JGS*. 2013. 55. P. 85–100.
74. Jenkins M. Islamic Glass: A Brief History // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin, New Series*. 1986. Vol. 44, No. 2. P. 10–56.
75. Kenesson S. Islamic enamelled beakers: a new chronology // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. R. Ward. Dorchester: British Museum Press, 1998. P. 45–49.
76. Kojić L., Wenzel M. Medieval Glass Found in Yugoslavia // *JGS*. 1967. 9. P. 76–93.
77. Krizanac M. Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor // *JGS*. 2001. 43. P. 182–184.
78. Križanac M. Scent Bottles from Kotor, Montenegro // *Annales du 18e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. Thessaloniki, 2009. P. 409–413.
79. Kucharczyk R. Islamic Glass from Area U (2012–2013) // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 2015. 24/1. P. 73–86.
80. Lamm C.J. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*. Berlin: Dietrich Reimer, 1929–1930. Bd. 1–2. 566 S. (Forschungen zur islamischen Kunst, Bd. 5).
81. Lavysch K. New Finds of Oriental Glass in the Territory of Belarus // *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*. Koper, 2015. P. 446–454.
82. Liepmann U. *Glas der Antike*. Hannover, 1982. 143 S.
83. Meyer C. Glass from Quseir el-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago, 1992. 200 p. (SAOC 53).
84. Milwright M. Glass and Glassworking in Damascus during the Late 19th and Early 20th Centuries // *JGS*. 2014. 56. P. 201–217.
85. Newby M.S. The Glass from Farfa Abbey: An Interim Report // *JGS*. 1991. 33. P. 32–41.
86. Riccetti L. Nota sul bicchiere mamelucco trovato a Orvieto nel 1899 // *JGS*. 2017. 59. P. 407–413.
87. Riis P.J., Poulsen V. Hama. Fouilles et recherches 1931–1938. IV.2. Les verreries et poteries médiévales. Copenhagen, 1957. 316 p. (Nationalmuseet Skrifter. Større Beretninger III).
88. Saldern A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. London: Harvard University Press, 1980. 176 p.
89. Sanders G. Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences. Tenth BABESCH Byvanck Lecture. Leiden: The Babesch Foundation, 2016. P. 1–31.
90. Scanlon G. Lamm's Classification and Archaeology // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. R. Ward. Dorchester: British Museum Press, 1998. P. 27–29.
91. Scanlon G.T., Pinder-Wilson R. Fustat Glass of the Early Islamic Period: Finds Excavated by the American Research Center in Egypt 1964–1980. London, 2001. 140 p.
92. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 67–84.
93. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. S. 85–109.
94. Schwarzer H., Rehren T. Glass Finds from Pergamon. A Report on the Results of Recent Archaeological and Archaeometric Research // *From Artificial Stone to Translucent Mass-Product. Innovations in the Technologies of Glass and their Social Consequences between Bronze Age and Antiquity* / Eds. F. Klimscha, H.-J. Karlsen, S. Hansen, J. Renn. Berlin, 2021. P. 161–217.
95. Sedlačková H. Ninth- to Mid-16th Century Glass Finds in Moravia // *JGS*. 2006. 48. P. 191–223.
96. Sedlačková H., Kořošová P., Lesák B. Medieval Glass in Bratislava (ca 1200–1550) // *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*. Koper, 2015. P. 400–410.

97. Shindo Y. Islamic Marvered Glass from al-Tur, South Sinai // *Annales du 12e Congrès de l'AIHV*. Amsterdam, 1993. P. 297–305.
98. Shindo Y. Islamic Lustre-Stained Glass from from Raya between the Ninth and Tenth Centuries // *Annales du 16e Congrès de l'AIHV*. London, 2003. P. 174–177.
99. Spasić-Đurić D., Jovanović S. A 12th Century Set of Marvered Purple Glass Vessels from Braničevo (Serbia) // *Starinar*. 2018. 68. P. 151–173.
100. Tait H. *Five Thousand Years of Glass*. London: British Museum Press, 1995. 256 p.
101. Talbot A.-M. Evidence about Byzantine Glass in Medieval Greek Texts from the Eighth to the Fifteenth Century // *Dumbarton Oaks Papers*. 2005. 59. P. 141–145.
102. Ward R. The Origins of the Gilded and Enamelled Glass Industry in Syria // *Transactions of the Oriental Ceramic Society*. 2010–2011. 75. P. 39–52.
103. Watson O. Pottery and Glass: Lustre and Enamel // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. R. Ward. London: British Museum Press, 1998. P. 15–19.
104. Watson O. Another Gilt Glass Bottle // *Fact and Artefacts: Art in the Islamic World. Festschrift for Jens Kröger on His 65th Birthday* / Eds. A. Hagedorn, A. Shalem. Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 107–122.
105. Weinberg G.D. A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production // *JGS*. 1975. 17. P. 127–141.
106. Wenzel M. Thirteenth-Century Islamic Enamelled Glass Found in Medieval Abingdon // *Oxford Journal of Archaeology*. 1984. 3. P. 1–21.
107. Whitcomb D.S. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt // *JGS*. 1983. 25. P. 101–108.
108. Whitehouse D. Medieval Glass in Italy: Some Recent Developments // *JGS*. 1983. 25. P. 115–120.
109. Whitehouse D. Glassmaking at Corinth: A reassessment // *Ateliers de verriers, de l'antiquité à la période pré-industrielle: actes des 4emes Rencontres, Rouen, 24–25 novembre 1989* / Eds. D. Foy, G. Sennequier. Rouen: Association française pour l'archéologie du verre, 1991. P. 73–82.
110. Whitehouse D. The Growth of Interest in Islamic Glass // Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art; Corning: Corning Museum of Glass; Athens: Benaki Museum; New Haven: Yale University Press, 2001. P. 8–13.
111. Whitehouse D. Glass from the Crusader Castle at Montfort // *Annales du 16e Congrès de l'AIHV* (London 2003). Nottingham, 2005. P. 191–193.
112. Whitehouse D. *Islamic Glass in the Corning Museum of Glass*. Vol. 2. Corning, New York: The Corning Museum of Glass, 2014. 333 p.
113. Williams II Ch.K. Frankish Corinth. An Overview // *Corinth*. Vol. XX. The Centenary. 1896–1996 / Eds. Ch.K. Williams II, N. Bookidis. Athens: The American School of Classical Studies at Athens, 2003. P. 423–434.
114. Williams II Ch.K., Zervos O.H. Frankish Corinth: 1991 // *Hesperia*. 1992. 61/2. P. 133–191.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. City on the Eski-Kermen plateau in 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2014, vol. 19, pp. 240–277.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval chapel on the Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2011, vol. 17, pp. 422–457.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Exploration of the medieval settlement on the Eski-Kermen plateau in 2018. *Istoriia i arkheologija Kryma* [History and archaeology of the Crimea], Simferopol, 2019, vol. 11, pp 21–28.
4. Alekseenko N.A. On the question of the activities of the Chersonesos mint in the 13th century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 1996, vol 7, pp. 187–191.
5. Arakelian B.N. Armenia in the 9th–13th centuries. Makarova T.I., Pletneva S.A. (eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII vv.* [Crimea, North-eastern

- Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 335–350.
6. Armarchuk E.A. North-eastern Black Sea region 11th–14th centuries: traditional features and introduced “steppe” elements of culture. Koval V.Iu. (ed.), *Ot Rusi do Kitaia. Iz novykh arkheologicheskikh issledovanii. Sbornik statei k iubileiu Iu.Iu. Morgunova* [From Russia to China. From new archaeological research. Collection of articles for the anniversary of Yu.Yu. Morgunova], Moscow, 2017, pp. 14–34.
  7. Busiatskaia N.N. Art glass from the Middle East in Eastern Europe (10th–14th centuries). *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University bulletin], 1972, no. 2, pp. 83–90.
  8. Busiatskaia N.N. Glass products from the cities of the Volga region (13th–14th centuries). Smirnov A.P., Fedorov-Davydov G.A. (eds.), *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia* [Medieval monuments of the Volga region], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 38–72.
  9. Valiulina S.I. Medieval islamic glass in Eastern Europe. Gaidukov P.G. (ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass from Eastern Europe from antiquity to the beginning of 20th century], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 236–261.
  10. Valiulina S.I., Zilivinskaia E.D. Glass products of the Samosdelsky settlement. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2010, vol. 152, book 3, part 1, pp. 63–76.
  11. Golofast L.A. Ceramics and glass of the Ioasafovsky site: analytical catalogs. Beliaev L.A. *Vizantiiskii Ierikhon: raskopki spustia stoletie* [Byzantine Jericho. Excavations after a century], Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 359–477.
  12. Golofast L.A. Glass from the 2017 and 2019 excavations in the Russian museum and park complex in Jericho. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology], 2019, no. 4, pp. 144–157.
  13. Golofast L.A. Byzantine vessels painted with gold and colored enamels from the fire layer of the second half of the 13th century in Chersonesos. *Steklo na putiakh Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Glass on the paths of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Materials of the international scientific conference], Moscow, 2022 (in print).
  14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Excavations in the quarter X in the northern district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2003, vol. 10, pp. 182–260.
  15. Golofast L.A., Romanchuk A.I., Ryzhov S.G., Antonova I.A. *Vizantiiskii Kherson. Katalog vystavki* [Byzantine Kherson. Exhibition catalog]. Moscow, 1991, 253 p.
  16. Gurevich F.D., Dzhanpoladian R.M., Malevskaia M.V. *Vostochnoe steklo v Drevnei Rusi* [Eastern glass in Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 26 p.
  17. Dzhanpoladian R.M. *Srednevekovoe steklo Dvina IX–XIII vv.* [Medieval glass from Dvin in the 9th–13th centuries]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1974, 76 p.
  18. Egor'kov A.N. The chemical composition of the Tver glassware of the Mongolian time. Lapshin V.A. (ed.), *Tverskoi kreml': kompleksnoe arkheologicheskoe istochnikovedenie* [Tver kremlin: comprehensive archaeological source study], St.-Petersburg, 2001, pp. 138–148.
  19. Zavadskaia I.A., Golofast L.A. Pottery assemblages from production carvings in quarter 1 of the ancient town of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2018, vol. 23, pp. 305–358.
  20. Kolesnikova L.G. Oriental glass from the collection of the Chersonesos Museum. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine vremennik], 1973, vol. 34, pp. 249–256.
  21. Kolchin B.A. Dendrochronology of Novgorod. Artsikhovskii A.V., Kolchin B.A. (eds.), *Novye metody v arkheologii: Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [New Methods in Archeology: Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition], T. 3, Moscow, 1963, pp. 5–103.
  22. Krizhanats M. *Srednevekovno staklo iz katedralne svetog Tripuna u Kotoru* [Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor]. Beograd, 2001, 84 p.
  23. Kuzina I.N. Import glass vessels from the excavation sites in Vladimir in 2007. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology], 2015, no. 4, pp. 149–157.

24. Lavysh K.A. Pieces of Oriental art from the territory of Byelorussia: known and new finds (the 10th–14th centuries). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 2012, vol. 226, pp. 244–254.
25. Lavysh K.A. Finds of oriental and Byzantine glass on the territory of Belarus: new facts and interpretations. Gaidukov P.G. (ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass from Eastern Europe from antiquity to the beginning of 20th century], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 225–235.
26. Myts V. On the date of the death of Byzantine Kherson: 1278. *Vizantiia i Krym. Tezisia dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Byzantium and Crimea. Abstracts of the international conference], Simferopol, 1997, pp. 66–67.
27. Nosov E.N., Plokhov A.V. Exploration of the central part of the Rurik settlement in 1984–1989. Nosov E.N., Goriunova V.M., Plokhov A.V. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniia Severnogo Priil'men'ia (Novye materialy i issledovaniia)* [The settlement near Novgorod and the settlements of the Northern Priilmenye (New materials and research)], St.-Petersburg, 2005, pp. 53–66.
28. Plokhov A.V. Medieval glassware of the Novgorod (Rurik) settlement. Musin A.E. (ed.), *U istokov russkoi gosudarstvennosti* [The origins of the russian snate], St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, pp. 166–175.
29. Poluboiarinova M.D. Glass products of the Bolgar settlement. Fedorov-Davydov G.A. (ed.), *Gorod Bolgar: ocherki remeslennoi deiatel'nosti* [Bolgar city: sketches of craft activities], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 149–217.
30. Ryzhov S.G. Medieval residential blocks of the 10th–13th centuries in the new North district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2001, vol. 8, pp. 290–311.
31. Sedikova L.V. Residential quarter in the water reservoir district of Chersonese in the Late Byzantine Period. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to A. Aibabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 100–102.
32. Sedlachkova G. Byzantine and Middle Eastern vessels and window glass 9th–14th centuries in the Czech lands. Gaidukov P.G. (ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass from Eastern Europe from antiquity to the beginning of 20th century], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 262–269.
33. Strikalov I.Iu., Kuzina I.N. A new find of imported glass vessel from the Pereyaslavl Ryazansky. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 2015, vol. 240, pp. 263–270.
34. Teofil. A note on the different arts. *Soobshcheniia Vsesoiuznoi tsentral'noi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii po konservatsii i restavratsii muzeinykh khudozhestvennykh tsennostei* [Messages from the all-union central research laboratory for the conservation and restoration of museum art treasures], Moscow, 1963, vol. 7, pp. 66–184.
35. Teslenko I.B. The ceramic pottery from the “post-catastrophe” period of Eski-Kermen: According to the materials of researches in the central area of the ancient town. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [12th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, 2020, pp. 249–253.
36. Shchapova Iu.L. Two Syrian vessels from Novgorod. Avdusin D.A., Ianin V.L. (eds.), *Istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Historical and archaeological collection], Moscow, MGU Publ., 1962, pp. 232–235.
37. Shchapova Iu.L. Glass products of ancient Novgorod. Artsikhovskii A.V., Kolchin B.A. (eds.), *Novye metody v arkheologii: Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [New methods in archeology: proceedings of the Novgorod archaeological expedition], T. 3, Moscow, 1963, pp. 104–163.

38. Shchapova Iu.L. Glassware of medieval Tmutarakan. Rybakov B.A. (ed.), *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani* [Ceramics and glass of ancient Tmutarakan], Moscow, 1963, pp. 102–133.
39. Alexandre Y. The Glass Finds. Alexandre Y., Bar-Oz G., Berman A., Raban-Gerstel N. (eds.), *Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods*, Jerusalem, 2012, pp. 89–106.
40. Amitai-Preiss N. Glass and Metal Finds. Hirschfeld Y., Amir R. *Excavations at Tiberias, 1989–1994*. (IAA Reports, 22). Jerusalem, 2004, pp. 177–190.
41. Bakirer Ö. Glass from the Seljuk Palace at Alanya. Laffi E. (ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 199–212.
42. Bakirer Ö. *The Palace of 'Alā ad-Dīn Kay-Qubād I ar Alanya and its Glass Finds*. URL: <https://books.ub.uni-heidelberg.de/propylaeum/reader/download/53/53-30-366-1-10-20160218.pdf>
43. Bakirer Ö., Redford S. The Kubadabad Plate: Islamic Gilded and Enameled Glass in Context. *Journal of Glass Studies*, 2017, 59, pp. 171–191.
44. Bass G., Lledo B., Matthews SH., Brill R.H. *Serce Limani, Vol 2: The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck*. Texas A&M University Press, 2009, 536 p.
45. Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report. *Annales du 16e Congrès de l'AIHV*, Nottingham, 2005, pp. 186–190.
46. Brosh N. Mamluk Glass Bowl from Area J. Geva H. *Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies*. Jerusalem, 2014, pp. 302–305.
47. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass. Stucky R.A., Kaelin O., Mathys H.-P. (eds.), *Proceedings of the 9th ICAANE*, Basel, 2014, pp. 909–920.
48. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass. Stucky R.A., Kaelin O., Mathys H.-P. (eds.), *Proceedings of the 9th ICAANE*, Wiesbaden, 2016, pp. 357–368.
49. Carboni S. Glass Production in the Fatimid Land and Beyond. Barrucand M. (ed.), *L'Égypte Fatimide son art et son histoire. Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998*, Paris, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1999, pp. 169–177.
50. Carboni S. Hot-Worked Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 2002, pp. 101–145.
51. Carboni S. Painted Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 2002, pp. 199–273.
52. Černa E., Tomková K. On the Road from the Early to High Middle Ages: Glass of the IXth–XIIIth centuries in Bohemia. *Archaeologia Polona*, 2017, 55, pp. 189–210.
53. Çömezoğlu Ö. Myra-Demre Aziz Nikolas Kilisesinde Oniki ve Onüçüncü Yüzyıl Cam Buluntuları. Ödekan A., Akyürek E., Necipoğlu N. (eds.), *Uluslararası Sevgi Gönül Bizans Araştırmaları Sempozyum*, İstanbul, 2010, pp. 505–520.
54. Davidson G.R. A Medieval Glass-Factory at Corinth. *American Journal of Archaeology*, 1940, vol. 44, no. 3, pp. 297–332.
55. Davidson G.R. *The Minor Objects. Corinth. Vol. XII*. Princeton, New Jersey, 1952, 366 p.
56. Foy D., avec la collaboration de M.-Ch. Bailly-Maître. Verres médiévaux (XIIIe–XIVe siècle) à décor de gouttes rapportées. Les témoignages du midi de la France et leurs parallèles: variantes, chronologie et filiations. *Archéologie médiévale*, 2014, 44, pp. 125–154.
57. Foy D. Verres islamiques de la Citadelle de Damas (IXe–XIIIe s.): Un aperçu. *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*, Koper, 2015, pp. 429–437.
58. François V., Spesier J.-M. Pottery and Glass in Byzantium. Laiou A.E. (ed.), *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*, Washington, 2002, pp. 593–609.
59. Gibson M. Admirably Ornamented Glass. Goldstein S.M. (ed.), *Glass from Sasanian Antecedents to European Imitations (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art 15)*, London, 2005, pp. 262–289.
60. Goldstein S.M., with contributions by J.M. Rogers, M. Gibson and J. Kröger. *The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XV. Glass from Sasanian Antecedents to European Imitations*. London, The Nour Foundation, 2005, 384 p.

61. Gorin-Rosen Y. Excavation of the Courthouse Site at 'Akko: Medieval Glass Vessels (Area TA), *'Atiqot*, 1997, 31, pp. 75–85.
62. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Strata 5-1. Getzov N. et al. *Horbat 'Uza, the 1991 excavations II: The Late Periods*. (IAA Reports 42), Jerusalem, 2009, pp. 175–182.
63. Gorin-Rosen Y. A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat). *'Atiqot*, 2019, 97, pp. 101–153.
64. Gorin-Rosen Y., Jackson-Tal R. Area B: The Glass Vessels. Tzaferis V., Israeli S. *Paneas I*. (IAA Reports 37), Jerusalem, 2008, pp. 81–89.
65. Gyürky K.H. Glasfunde aus dem 13. u. 14. Jahrhundert im mittelalterlichen Dominikanerkloster von Buda. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1971, 23, pp. 199–220.
66. Hadad S. Marvered Glass Vessels from the Umayyad through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel. *Levant*, 2002, 34, pp. 151–158.
67. Han V. The Origin and Style of Medieval Glass Found in the Central Balkans. *Journal of Glass Studies*, 1975, 17, pp. 114–141.
68. Harden D.B. Some Glass Fragments, Mainly of the 12th–13th Century AD, from Northern Apulia. *Journal of Glass Studies*, 1966, 8, pp. 70–79.
69. Harden D.B. Ancient Glass III. *Archaeological Journal*, 1972, 128, pp. 78–117.
70. Hasson R. Islamic Glass from Excavations in Jerusalem. *Journal of Glass Studies*, 1983, 25, pp. 109–113.
71. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The pottery*. Princeton N.J., 1992, 455 p.
72. Henderson J. Archaeological and Scientific Evidence for the Production of Early Islamic Glass in al-Raqqā, Syria. *Levant*, 1999, vol. 31, iss. 1, pp. 225–240.
73. Jackson-Tal R. E., Tal O. Crusader Glass in Context: The Destruction of Arsuf (Apollonia-Arsuf, Israel), April 1265. *Journal of Glass Studies*, 2013, 55, pp. 85–100.
74. Jenkins M. Islamic Glass: A Brief History. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin, New Series*, 1986, vol. 44, no. 2, pp. 10–56.
75. Kenesson S. Islamic enamelled beakers: a new chronology. Ward R. (ed.), *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*, Dorchester, British Museum Press, 1998, pp. 45–49.
76. Kojić L., Wenzel M. Medieval Glass Found in Yugoslavia. *Journal of Glass Studies*, 1967, 9, pp. 76–93.
77. Krizanac M. Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor. *Journal of Glass Studies*, 2001, 43, pp. 182–184.
78. Križanac M. Scent Bottles from Kotor, Montenegro. *Annales du 18e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*, Thessaloniki, 2009, pp. 409–413.
79. Kucharczyk R. Islamic Glass from Area U (2012–2013). *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2015, 24/1, pp. 73–86.
80. Lamm C.J. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nāhen Osten*. Berlin, Dietrich Reimer, 1929–1930, Bd. 1–2, 566 p.
81. Lavysh K. New Finds of Oriental Glass in the Territory of Belarus. *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*, Koper, 2015, pp. 446–454.
82. Liepmann U. *Glas der Antike*. Hannover, 1982, 143 p.
83. Meyer C. *Glass from Quseir el-Qadim and the Indian Ocean Trade*. (SAOC 53). Chicago, 1992, 200 p.
84. Milwright M. Glass and Glassworking in Damascus during the Late 19th and Early 20th Centuries. *Journal of Glass Studies*, 2014, 56, pp. 201–217.
85. Newby M.S. The Glass from Farfa Abbey: An Interim Report. *Journal of Glass Studies*, 1991, 33, pp. 32–41.
86. Riccetti L. Nota sul bicchiere mamelucco trovato a Orvieto nel 1899. *Journal of Glass Studies*, 2017, 59, pp. 407–413.
87. Riis P.J., Poulsen V. *Hama. Fouilles et recherches 1931–1938. IV.2. Les verreries et poteries médiévales*. (Nationalmuseet Skrifter. Større Beretninger III). Copenhagen, 1957, 316 p.
88. Saldern A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. London, Harvard University Press, 1980, 176 p.

89. Sanders G. *Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences*. Tenth BABESCH Byvanck Lecture. Leiden, The Babesch Foundation, 2016, pp. 1–31.
90. Scanlon G. Lamm's Classification and Archaeology. Ward R. (ed.), *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*, Dorchester, British Museum Press, 1998, pp. 27–29.
91. Scanlon G.T., Pinder-Wilson R. *Fustat Glass of the Early Islamic Period: Finds Excavated by the American Research Center in Egypt 1964–1980*. London, 2001, 140 p.
92. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas. Laffi E. (ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 67–84.
93. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon. Laffi E. (ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 85–109.
94. Schwarzer H., Rehren T. Glass Finds from Pergamon. A Report on the Results of Recent Archaeological and Archaeometric Research. Klimscha F., Karlsen H.-J., Hansen S., Renn J. (eds.), *From Artificial Stone to Translucent Mass-Product. Innovations in the Technologies of Glass and their Social Consequences between Bronze Age and Antiquity*, Berlin, 2021, pp. 161–217.
95. Sedlačková H. Ninth- to Mid-16th Century Glass Finds in Moravia. *Journal of Glass Studies*, 2006, 48, pp. 191–223.
96. Sedlačková H., Košová P., Lesák B. Medieval Glass in Bratislava (ca 1200–1550). *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*, Koper, 2015, pp. 400–410.
97. Shindo Y. Islamic Marvered Glass from al-Tur, South Sinai. *Annales du 12e Congrès de l'AIHV*. Amsterdam, 1993, pp. 297–305.
98. Shindo Y. Islamic Lustre-Stained Glass from from Raya between the Ninth and Tenth Centuries. *Annales du 16e Congrès de l'AIHV*, London, 2003, pp. 174–177.
99. Spasić-Đurić D., Jovanović S. A 12th Century Set of Marvered Purple Glass Vessels from Braničevo (Serbia). *Starinar*, 2018, 68, pp. 151–173.
100. Tait H. *Five Thousand Years of Glass*. London, British Museum Press, 1995, 256 p.
101. Talbot A.-M. Evidence about Byzantine Glass in Medieval Greek Texts from the Eighth to the Fifteenth Century. *Dumbarton Oaks Papers*, 2005, 59, pp. 141–145.
102. Ward R. The Origins of the Gilded and Enamelled Glass Industry in Syria. *Transactions of the Oriental Ceramic Society*, 2010–2011, 75, pp. 39–52.
103. Watson O. Pottery and Glass: Lustre and Enamel. Ward R. (ed.), *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*, London, British Museum Press, 1998, pp. 15–19.
104. Watson O. Another Gilt Glass Bottle. Hagedorn A., Shalem A. (eds.), *Fact and Artefacts: Art in the Islamic World. Festschrift for Jens Kröger on His 65th Birthday*, Leiden, Boston, Brill, 2007, pp. 107–122.
105. Weinberg G.D. A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production. *Journal of Glass Studies*, 1975, 17, pp. 127–141.
106. Wenzel M. Thirteenth-Century Islamic Enamelled Glass Found in Medieval Abingdon. *Oxford Journal of Archaeology*, 1984, 3, pp. 1–21.
107. Whitcomb D.S. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt. *Journal of Glass Studies*, 1983, 25, pp. 101–108.
108. Whitehouse D. Medieval Glass in Italy: Some Recent Developments. *Journal of Glass Studies*, 1983, 25, pp. 115–120.
109. Whitehouse D. Glassmaking at Corinth: A reassessment. Foy D., Sennequier G. (eds.), *Ateliers de verriers, de l'antiquité à la période pré-industrielle: actes des 4emes Rencontres, Rouen, 24–25 novembre 1989*, Rouen, Association française pour l'archéologie du verre, 1991, pp. 73–82.
110. Whitehouse D. The Growth of Interest in Islamic Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York, The Metropolitan Museum of Art; Corning, Corning Museum of Glass; Athens, Benaki Museum; New Haven, Yale University Press, 2001, pp. 8–13.
111. Whitehouse D. Glass from the Crusader Castle at Montfort. *Annales du 16e Congrès de l'AIHV (London 2003)*, Nottingham, 2005, pp. 191–193.

112. Whitehouse D. *Islamic Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. 2. Corning, New York, The Corning Museum of Glass*, 2014, 333 p.
113. Williams II Ch.K. Frankish Corinth. An Overview. Williams II Ch.K., Bookidis N. (eds.), *Corinth. Vol. XX. The Centenary. 1896–1996*, Athens, The American School of Classical Studies at Athens, 2003, pp. 423–434.
114. Williams II Ch.K., Zervos O.H. Frankish Corinth: 1991. *Hesperia*, 1992, 61/2, pp. 133–191.

Информация об авторе

Голофаст Л. А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-7642-2018.

Author information

Golofast L. A. – Candidate of Science (History), Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: J-7642-2018.